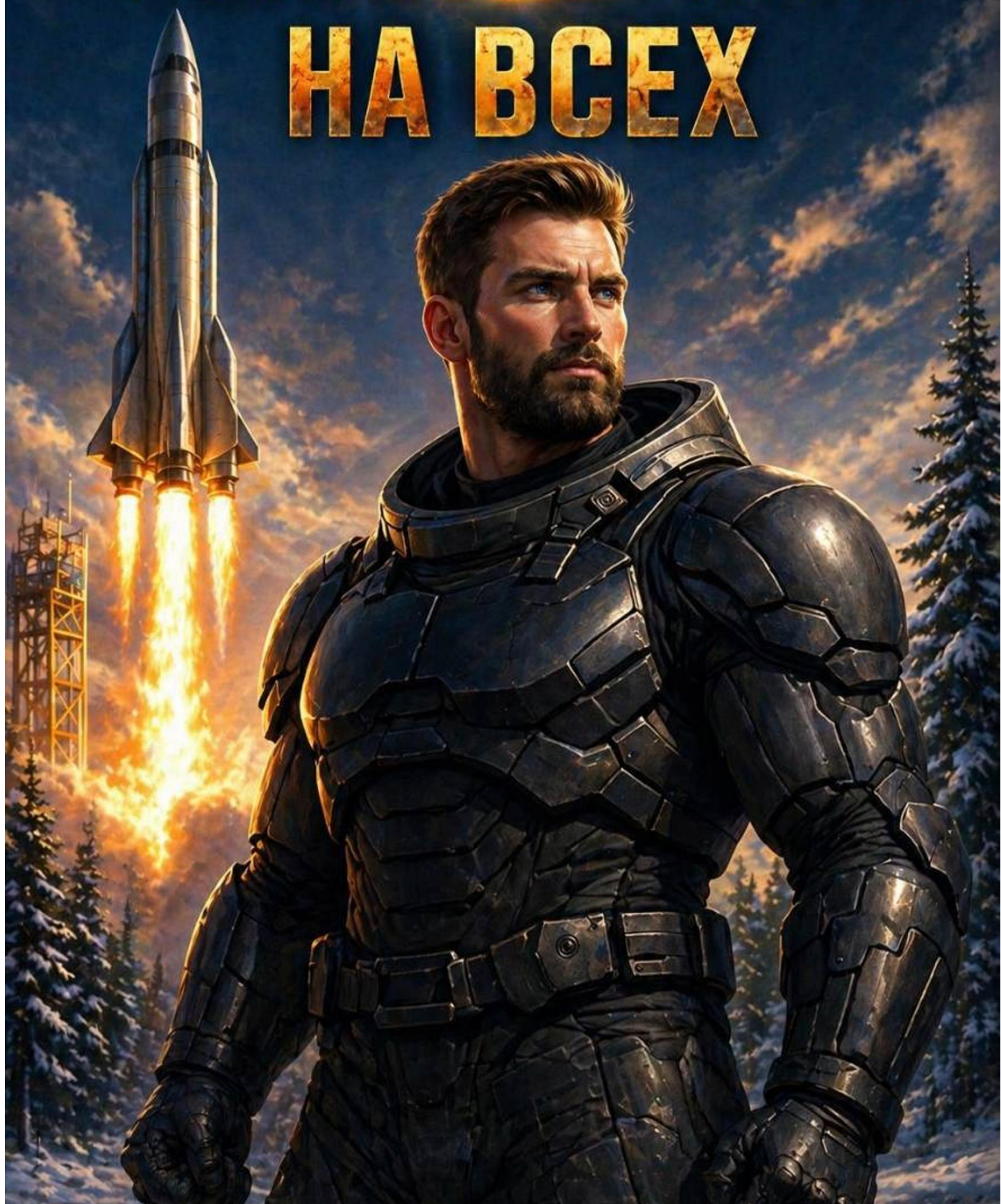

СЕРГЕЙ КОТОВ

ТЕПЛА ХВАТИТ НА ВСЕХ

Сергей Котов

Тепла хватит на всех

«Автор»

2026

Котов С.

Тепла хватит на всех / С. Котов — «Автор», 2026

Евгений — офицер спецназа с аномально большим IQ. Во время очередной командировки он капитально «попал под раздачу», был серьёзно ранен, чуть не умер от кровопотери и гипотермии. Результат - психотравма и боязнь холода, с которой он пытается бороться самостоятельно и вообще никому не показывать, что проблема есть. И вот ему выпадает возможность полететь к звёздам. Для остального мира он официально погиб в бою, но на самом деле получил назначение на секретный объект, где готовится крупнейший научный прорыв в истории человечества. Классическая космо-НФ, проработанный мир и механика межзвёздных путешествий. Земные заговоры, планетарные войны, выживание других цивилизаций, совсем немного прогрессорства и сверхсущества с древними тайнами. Всё сразу и по-максимуму! Движуха не в ущерб достоверности и боёвка не в ущерб здравому смыслу.

© Котов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гость	6
Дорога	11
Объект	17
Отряд	23
Тессеракт	29
Верхняя палуба	34
Центрифуга	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Котов

Тепла хватит на всех

Сергей Котов
Тепла хватит на всех
Роман

Гость

Я привык к тому, что меня постоянно пытаются убить. Работа такая. Защитные рефлексы — моя первая линия обороны. И сейчас они отработали чётко, несмотря на расслабленную обстановку и вроде бы абсолютную безопасность.

Мгновенно проснувшись, я перекатился на кровати и рванул к выходу из комнаты. Просто потому, что отчётливо почувствовал угрозу.

Перед выходом находился небольшой тамбур. Такое себе укрытие, но лучше, чем ничего. Распластавшись на одной из стен, я осторожно заглянул в комнату. Вот было бы весело, если бы там никакой опасности вовсе не оказалось! Тогда точно пришлось бы сдаваться мозгоправам.

Но нет, рефлексы не подвели! Возле моей кровати застыла фигура мужчины в обтягивающем чёрном комбинезоне. Его было отчётливо видно в желтоватом свете уличных фонарей. В руке он держал самый настоящий меч. Он занёс блестящее лезвие над тем местом, где я только что спал, но пока что не успел его опустить.

Варианты реагирования? Скрыться в коридоре, поднять охрану? А что, если он уйдёт? Путь наружу открыт — первый этаж, прозрачная дверь ведёт на широкую веранду с балюстрадой, сразу за которой спуск на берег Волги. Да, следы на снегу будут заметны какое-то время, но ведь метёт!

И тормознутый он какой-то, убийца этот. Наконец-то опустил меч, растеряно оглядывается.

Решившись атаковать, я метнулся перекатом вперёд. Сшиб мечника с ног. Тот повалился на паркетный пол. Громко ойкнул.

Вот тебе и убийца-профессионал! Ещё и с мечом!

Я вырвал у него из рук оружие, отбросил меч в сторону, стараясь не задеть мебель. Потом схватил за кисти и зафиксировал их одной рукой. Нападавший сопротивлялся очень вяло.

Одним движением я сорвал с него чёрную балаклаву. И сам чуть было не впал в ступор: пришелец оказался очень похож на меня. Одно лицо, практически. Только без бородки, которую я отпустил в санатории. Видимо, почуввав моё секундное замешательство двойник снова начал ёрзать, пытаясь вырваться. Однако я лишь сильнее сжал захват. Странно, конечно: по ощущениям мышц у него вроде достаточно, но сил будто бы не хватает даже на элементарные вещи, вроде освобождения от простого захвата.

— Кто ты такой? Быстро, а то шею сверну! — пригрозил я.

Двойник снова обмяк. Посмотрел на меня с тоской и горько ухмыльнулся.

— Только не говори, что не понимаешь по-русски... — пробормотал я, оглядывая комнату в поисках чего-то, чем можно было бы зафиксировать незваного гостя.

Однако же сделать я это не успел.

— Эх, чуток мощности маловато... — отчётливо сказал пришелец. Моим голосом.

— Что? — переспросил я.

— Уже не важно, — ответил тот. — Мы встретились. Не меняйся! Слышишь? Не отступай и не меняйся! Надеюсь, этого хватит...

Двойник закатил глаза, откинул голову назад и начал стремительно бледнеть.

— Эй! — окликнул я его, легонько шлёпнув по щеке.

Его голова безвольно мотнулась. По коже пошли глубокие трещины, мягкие ткани головы вдруг будто усохли, рельефно обозначив кости черепа. Потом шкура вовсе лопнула.

Тело подо мной размягчилось и теперь напоминало по консистенции желе.

Я отпрянул.

На этом метаморфозы не прекратились. Чёрный комбинезон, в который был одет мой несостоявшийся убийца, медленно опадал, одновременно выцветая до серого тона. В нём

появились прорехи. Через несколько секунд на месте существа осталась только кучка серого пепла, контурами напоминающая лежащее тело.

Я встал, включил свет. Подошёл к мечу, который валялся возле единственного в комнате большого кресла.

С оружием тоже происходило неладное: лезвие потускнело и стремительно покрывалось ржавыми пятнами. Меч разлагался несколько дольше, чем прищелец, но в конце концов и от него осталось только вытянутое пятно ржавых хлопьев и немного серого порошка там, где была рукоять.

«Вот тебе и отдохнул...» — подумал я, почесав затылок. Потом занялся обследованием комнаты. Как-то ведь это хмырь попал внутрь? Однако осмотр входных дверей и со стороны террасы, и со стороны коридора ничего не дал: обе были надёжно заперты изнутри.

Возможно, другой человек на моём месте тут же усомнился бы в собственной психической адекватности и побежал бы сдаваться психиатрам. Со временем и не без помощи врачей ему бы наверняка удалось убедить себя в том, что ему это всё привиделось.

Но я слишком доверяю своей голове и органам чувств. У меня не было ни малейших сомнений, что я нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти. А значит, у всего случившегося есть какое-то рациональное объяснение. Просто мне оно пока что неизвестно.

В полный рост встал вопрос: что делать дальше? По-хорошему следовало бы доложить руководству санатория. Но тогда меня неизбежно ждало бы углубленное психиатрическое обследование. С возможными неприятными последствиями вроде отстранения от оперативной работы на неопределённый срок. Да, у меня остались материальные свидетельства, но пепел и кучка ржавчины не выглядели сколько-нибудь убедительно.

А может, в этом и была цель? Организовать мистификацию. Убедить руководство, что я психически не стабилен, чтобы... что? Пока что у меня не было ответа на этот вопрос. Но теоретически это возможно. Я слышал о создании саморазлагающихся роботов для выполнения специфических задач, когда нельзя оставлять следы. Да, они представляли собой что-то вроде мелких червей или насекомых, но разве есть препятствия для создания более крупных моделей?

Очень сложно и дорого, но да — возможно. Так что берём за рабочую гипотезу.

Моё пребывание в специализированном реабилитационном пансионате подходило к логическому завершению. То есть к выписке и возвращению на службу. И так оно и будет — если я не стану распространяться о сегодняшнем инциденте.

Пару недель назад я имел неосторожность во время очередной беседы с лечащим врачом обмолвиться, что стал ненавидеть холод. А что удивительного? Я ведь буквально чуть не замёрз насмерть. Но тогда мне еле удалось отбиться от корректирующего курса. Очень уж не хотелось, чтобы в моих мозгах копался кто-то совершенно посторонний, пускай и с допуском по форме номер один. Других здесь не держат.

После напряжённого разговора доктор пускай и с оговоркой, но принял мой выбор. «ПТСР у вас в лёгкой форме. Со своими особенностями, учитывая то, что вы пережили во время эвакуации. Если сейчас вы не чувствуете особого дискомфорта — то и ладно. Тесты подтвердили, что это не повлияло на вашу способность исполнять служебные обязанности. Так что оставим этот эпизод для истории болезни», — сказал он тогда.

«Дисфункция вегетососудистой системы на фоне значительной кровопотери и гипотермии», — так было написано в документах, с которыми меня ознакомили сегодня. Ощущения, которые мне довелось пережить, уже не казались смертельно опасными после того, как их обозначили точными медицинскими терминами. Будто редкое ядовитое насекомое, прищипленное иглой и подписанное латинским названием в научной коллекции.

«Явиться в каб. №319 к 9.00» — гласило приложенное к документам предписание. «Ну хоть позавтракать успею», — подумал я тогда.

И это будет правильно. Встану и, как обычно, пойду есть в столовую. Нужно вести себя так, будто ничего не случилось. Кто бы ни стоял за вторжением, рано или поздно он проявит себя. В эту игру можно играть вдвоём.

Я достал из шкафа одёжную щётку и с её помощью аккуратно собрал пепел и ржавчину. После этого принял душ, выключил свет и снова лёг в постель. Поскольку чувства тревоги не было совершенно, я уснул своим обычным чутким сном.

Кабинет триста девятнадцать находился в самом конце коридора, возле глухой стены. Внутри, как вскоре выяснилось, вовсе не было окон. Лишь картины на стенах — не самые качественные репродукции известных пейзажистов: Куинджи, Поленов, Шишкин, Левитан. Под картинами стояли казённые чёрные кресла. В центре помещения — круглый стол из полированного дерева, на нём лампа со старомодным зелёным абажуром. За столом сидели двое: женщина лет тридцати в строгом деловом костюме и волосами, собранными в тугий пучок, и мой лечащий врач, Сергей Константинович.

Увидев меня, доктор улыбнулся и поднялся с места. Женщина осталась сидеть, зыркнув на меня сквозь тонкие очки в чёрной оправе. В ответ я лишь улыбнулся.

— Евгений, рад вас видеть. Как самочувствие сегодня? — спросил Сергей Константинович, протягивая руку.

Чтобы её пожать, мне пришлось обойти стол.

— Благодарю, отлично, — кивнул я, устраиваясь на одном из свободных стульев.

— Позвольте представить: Светлана Юрьевна, сотрудник двенадцатой службы, — продолжал доктор.

Я постарался скрыть удивление. Двенадцатая служба была полуполюгендарной структурой внутри конторы. Говорят, они занимались вопросами научного обеспечения оперативной деятельности, но в эту версию никто особо не верил. Очень уж серьёзные ресурсы выделялись на них: свои здания, автономная система управления, своя закрытая связь, даже собственная служба безопасности! Эдакое государство в государстве.

— Евгений Викторович, — кивнул я.

— Знаю, — ответила женщина, пошуршав лежавшими перед ней на столе бумагами. — Видела ваше личное дело.

Я вежливо улыбнулся в ответ и промолчал, терпеливо ожидая, когда мне назовут повод для разговора.

— Скажите, Евгений, — продолжила Светлана Юрьевна, пристально глядя мне в глаза. — С какой целью вы пошли в «тяжёлые»?

На нашем сленге «тяжёлыми» называли сотрудников спецподразделений, которые занимались, скажем так, решением физических проблем и вопросов.

— Мне интересно этим заниматься, — искренне ответил я.

— Даже после второго серьёзного ранения за два года? — продолжала она, всё так же пристально глядя мне в глаза.

Странно... говорит, что видела моё личное дело. Неужели думает, что меня можно смутить такими вещами?

— Даже после второго ранения, — всё с такой же вежливой улыбкой, спокойным тоном ответил я.

— Судя по отчёту эвакуационной группы, в этот раз вас спасла чистая случайность, — продолжала она.

— Меня спасли товарищи, — ответил я. — Настоящие профессионалы.

— Что же вами на самом деле движет? Только интерес? Но ведь любопытство можно было удовлетворить уже в первый год оперативной деятельности... — она чуть нахмурилась, будто бы размышляя вслух. — А как же амбиции? С вашими-то интеллектуальными способ-

ностями? И таким уровнем интеллектуального развития? Неужели вам никогда не пеняли на то, что вы не пошли в науку?

Я мог бы начать играть, запутывая её парадоксальными ответами. Делал так неоднократно, когда попадались не слишком компетентные кадровики. Потом руководство это дело вычислило, провело со мной воспитательную беседу. Я обещал быть более покладистым, но после этого со мной работали только лучшие из кадровиков. Простых сотрудников до меня больше не допускали.

Однако сейчас я чувствовал, что за этой женщиной есть что-то интересное. Перспективное, с моей точки зрения. Да, она старательно изображает из себя стерву. Это её броня. Я ведь понравился ей. Впрочем, как и многим до неё. Да, я пользуюсь успехом у женщин, но у меня хватает ума не применять это свойство на службе. Или в околотрудовых делах.

Поэтому я решил пойти другим путём. Рассказать ей правду. И дальше уж пускай сама решает, что с этим делать.

— Мне интересен опыт, который невозможно приобрести за деньги или получить благодаря высокому положению, — ответил я.

— Вот как? — ответила Светлана. И тут же заметила, что такая реплика делает её похожей на дилетанта. — Что ж, рада вашей искренности, — тут же поправились она.

Я снова вежливо улыбнулся и кивнул.

— Похоже, он идеально нам подходит, — сказала Светлана, обращаясь к моему лечащему врачу.

— Э-э-э... — судя по всему, тот явно был растерян. Рассчитывал на более долгий и обстоятельный разговор? Скорее всего. — Я отправлю отчёт руководству Евгения. К тому моменту, когда придёт отношение от вашего подразделения, у них будет полная информация.

— В этом нет необходимости, — Светлана открыла лежащую перед ней папку, снова пошуршала бумагами. Извлекла две. Первую положила перед доктором, вторую протянула мне.

Это был стандартный приказ о переводе в другое подразделение, подписанный директором и завизированный руководителем моей службы.

— Если вы согласны, то считайте приказ действующим, — сказала Светлана, снова заглядывая мне в глаза и наблюдая за реакцией. — Если нет — то вы ничего не видели.

Я промолчал.

— Вас что-то смущает? — уточнила она.

— Это необычно. Я военный человек, и впервые сталкиваюсь с возможностью выбирать, исполнять ли приказ.

— Понимаю, — кивнула она. — Скажу сразу и честно: у нас, внутри управления, порядки не слишком-то военные. Мы форму даже на двадцатое декабря не надеваем. Так что для вас там многое будет в диковинку.

— Чем именно я там буду заниматься, так понимаю, спрашивать бесполезно? — улыбнулся я.

— Верно понимаете, — подтвердила Светлана.

— Что ж... вам нужен человек с боевым опытом и при этом, чтобы мозги были на месте, — сказал я, нарочно рассуждая вслух. — Значит, вы занимаетесь исследованиями в опасных условиях. Настолько опасных, что ваши обычные сотрудники, учёные, не годятся. Так что, думаю, вы пошли правильным и логичным путём. У нас вообще ребята все продвинутые.

Сначала Светлана немного напряглась. Потом в её глазах начали плясать весёлые искорки. Умница, поняла юмор!

— Уверена, вы откроете для себя много нового! Если примете наше предложение, конечно, — улыбнулась она.

Ответ был правильным. Да, ей удалось меня заинтриговать, даже не намекнув на то, что же именно мне предстоит увидеть. И как раз именно это было самым привлекательным!

— Хорошо, я согласен, — сказал я, возвращая бланк с приказом. — В ознакомлении где расписаться?

— Не нужно, — Светлана отмахнулась. — Мы в основном без формальностей обходимся.

— Вот как? — я удивлённо поднял бровь. Всё-таки их работа предполагала высший уровень секретности.

— Да. Чем меньше формальностей, тем меньше следов. Если понимаете, о чём я, — кивнула она. — И ещё один момент, который я должна уточнить до того, как мы расстанемся сегодня. Сергей Константинович, вы не могли бы нас оставить? — она посмотрела на доктора.

Вот как, значит... теперь пойдёт речь о таких вещах, о которых даже сотруднику с первой формой допуска знать не положено? Интересно.

— Перевод в наше подразделение осуществляется по протоколу «ноль». Вы с ним знакомы? — Спросила Светлана, когда за врачом закрылась дверь.

Я был знаком, чисто теоретически. Во время обучения нам говорили о такой возможности. Но это больше относилось к оперативникам, которые работают под прикрытием. Протокол «ноль» предполагал изменение личности, как правило, через инсценировку гибели сотрудника.

— У вас нет семьи или постоянных отношений, — продолжала она. — Ваши родители тоже, к сожалению, умерли. Вы — поздний ребёнок. Кстати, ваш пример подтверждает распространённое мнение, что поздние дети отличаются интеллектом...

Я пристально посмотрел ей в глаза. Она осеклась.

— Вы же знаете, как я живу. К чему лишняя ответственность? — Сказал я, улыбнувшись.

— Разумно, — кивнула Светлана. — Получается, протокол «ноль» в вашем случае не будет иметь никаких осложнений.

— Пожалуй, — согласился я, вспомнив о пацанах из нашего центра... они вот будут скучать, это правда. Но, с другой стороны, каждый из нас готов к такому.

— Документы получите завтра, при выписке. Как вы понимаете, они временные и подлежат сдаче после прибытия на объект, — продолжала инструктировать она. — Следуйте к месту назначения по предписанию. Сотовой связью не пользуйтесь.

— Есть, — кивнул я.

— На этом, пожалуй, всё. Буду рада видеть вас на месте!

Светлана поднялась и протянула руку. Я обошёл стол и ответил на её пожатие. Оказавшись рядом со мной, она в какой-то момент не выдержала и опустила глаза. На её скулах появился лёгкий румянец.

«Что ж, — подумал я про себя, — похоже, я действительно ей понравился».

Выйдя из кабинета, я подумал, связано ли новое назначение с тем, что случилось в моём номере накануне? По всему выходило, что почти наверняка. Но вот как именно? И чем же таким занимаются в двенадцатой службе?

Меня разбирало жгучее любопытство. А оно, как известно, одна из главных движущих сил прогресса.

Дорога

Холод могут пережить только сильнейшие. Я напоминал себе об этом каждый раз, когда мне снились эти сны.

Я снова лежал на снегу, закутанный в шуршащее термоодеяло. Где-то в чёрном небе жужжал дрон. Я знал, что, если не выберусь из одеяла в ближайшие секунды — меня разорвёт на части сброшенным ВОГ-ом или ещё чем похуже. Но малейшее движение вызывало приступы жутчайшего озноба, а необходимость снова оказаться на открытом воздухе казалась непереносимой пыткой.

Но вот меня окутало рыжее облако, которое принесло долгожданное тепло. Я понимал, что это, скорее всего, огонь, и жить мне осталось недолго — но всё равно наслаждался тем, что холод отступил. Разжал свою ледяную пасть.

Я вскочил в постели, рефлекторно вцепившись в тёплую подушку. Перевёл дух. Я в тепле. В санатории. Всё хорошо, всё в порядке.

Со временем таких снов, про холод, становилось всё меньше. Я знал, что окончательно они не исчезнут никогда. Долгими зимними ночами, в самом конце моего жизненного пути они принесут с собой ледяное дыхание вечности. Но даже в тот миг я буду бороться до последнего.

Я рывком откинул одеяло и встал с кровати. За окном ещё стояли утренние сумерки, но солнце вот-вот должно было появиться над горизонтом. Это обещала кроваво-красная полоса над противоположным берегом Волги.

Я открыл сдвижную стеклянную дверь и вышел на террасу как был, в одних трусах. Внимательно огляделся — не поджидает кто в засаде? Понятное дело, я усилил бдительность и больше не чувствовал себя расслаблено, хоть и находился на тщательно охраняемой территории. Но вокруг всё было тихо, мирно и спокойно.

За ночь выпало много снега. Он лежал пушистым серебрищимся ковром. Я наклонился и взял его в охапку, потом тщательно растёр им грудь и плечи. Чувствуя приятное покалывание на коже, я вернулся в номер и пошёл в санузел. Для начала врубил горячую воду в тропическом душе и забрался под упругие струи. Некоторое время постоял, ожидая, пока тело прогреется. Потом переключился на холодную воду. И так несколько раз.

Возле душевой кабины стояла инфракрасная сауна. Обычно я пользовался ей по вечерам, после тренировок. Однако сегодня тренировки не предвидится, я ведь уезжаю... вообще я поймал себя на том, что мне грустно покидать санаторий. Процесс восстановления физических кондиций мне откровенно понравился, и я бы с удовольствием продолжил жить в таком режиме, хотя бы некоторое время. Например, до весны. Однако же приключения меня нашли даже раньше, чем я предполагал...

Я выбежал обратно на снег. Отжался — без счёта, до полного отказа мышц. Потом сделал приседания с прыжками, выпады, немного растянулся. После этого вернулся в номер и забрался в сауну, нежиться под невидимыми тепловыми лучами, чувствуя, как приятно ноют мышцы.

Такая серьёзная разминка пробудила нешуточный аппетит, и я смёл всё, что предложила щедрая столовая: овсянку со сливочным маслом, кусок омлета, блинчики с абрикосовым джемом, творог. Кормили тут хорошо, будто спортсмена во время подготовки к соревнованиям. Впрочем, примерно так оно и было: доктор сказал, что после ранения я потерял тридцать процентов мышечной массы. Восстановить это дело за пару месяцев без усиленной диеты было бы невозможно.

После завтрака я направился обратно в номер, чтобы начать собираться. И здесь меня встретил комендант санатория собственной персоной. Увидев меня, он улыбнулся и протянул руку.

— Доброе утро, Евгений Викторович! — сказал он. — Как завтрак? Всё понравилось?

— На высоте, как обычно, — ответил я, немного смущаясь от такого пристального внимания к своей персоне.

— Позвольте пройти в номер? — спросил комендант. — Надо обсудить некоторые моменты.

Я внутренне напрягся. Будет задавать вопросы насчёт инцидента? Ну тогда пускай пеняет на себя — придумаю, как вывести его на чистую воду. Его и тех шутников, которые подослали ко мне двойника!

Однако внешне я оставался совершенно спокоен.

— Конечно, — кивнул я, доставая ключ.

Разумеется, в комнате был полный порядок. Старая привычка, от которой я вовсе не хотел бы избавляться. Один из некоторых плюсов военного воспитания и казарменного быта. От пепла и ржавчины я избавился ещё вчера.

— Нам поступило особое распоряжение, — тихо сказал комендант, когда дверь за нами закрылась. — Вероятно, это связано с вашим будущим назначением.

Я кивнул.

— Ваша медицинская карта и другие документы, связанные с вашим пребыванием у нас, будут уничтожены, — сказал он.

— Я понимаю.

— И ни я, ни кто-либо из персонала не смогут подтвердить вашу личность после того, как вы покинете нашу территорию, — продолжал он.

— Ясно, — кивнул я.

— Если вам всё ясно — тогда вот, — он достал из-за пазухи и протянул мне простой белый конверт. — Мне поручили передать это вам.

— Спасибо!

Я принял конверт. Комендант улыбнулся и снова протянул мне руку.

— Сказать по правде, я даже немного завидую вам. Новая жизнь! Не каждому выпадает такой шанс. Удачи!

— Благодарю.

Я спрятал конверт в карман и пожал протянутую руку. Комендант посмотрел мне в глаза, кивнул после чего вышел из номера.

На всякий случай я запер дверь, затем вскрыл конверт. Внутри находился общегражданский паспорт, несколько распечаток с электронными билетами и пластиковая карта с символикой одного из крупных банков.

Я открыл паспорт. Судя по дате рождения, кадровики решили накинуть мне несколько лет. Теперь мне официально тридцать, хотя на самом деле не исполнилось ещё и двадцати семи. Неужели я так старо выгляжу? Я взглянул на своё отражение в настенном зеркале. Пожалуй, борода, которую я отпустил, меня действительно старит. Надо бы избавиться, хотя это и удобно — нет необходимости бриться каждое утро. Впрочем, это подождёт. Ну хоть имя мне сохранили. Правда, отчество и фамилию подобрали с юмором: Евгений Самсонович Лом. Ну чего ещё ждать от кадров? Девчонки такие девчонки...

Я достал распечатки билетов. Сегодня вечером я на фирменном поезде «Жигули» отправляюсь в Самару. А завтра в обед вылетаю из «Шереметьево» в Норильск. Я тоскливо вздохнул. Ну почему сверхсекретные объекты в наше время размещают исключительно за полярным кругом? Нет бы где-нибудь на Кавказе, в районе Сочи или Геленджика... но хотя бы не Новая Земля, и на том спасибо.

К банковской карточке была приклеена крохотная бумажка с цифрами пин-кода. Я запомнил их, потом отклеил бумажку, с трудом порвал её на четыре части, скатал каждую из них в шарик и выбросил их в унитаз, не забыв смыть. Лимит нигде в прилегающих докумен-

тах указан не был, так что его нужно было проверить в каком-нибудь банкомате. Соблюдая меры безопасности, разумеется.

Чтобы успеть на поезд, пришлось выехать ещё до обеда. Санаторий выделил мне минивэн — вполне комфортабельный и быстрый. Водитель молчал всю дорогу, лишь изредка бросая в мою сторону настороженные взгляды через зеркало заднего вида. Интересно, что ему сказали, вызвав такую реакцию? Впрочем, не важно. Парню действительно будет лучше забыть меня как можно скорее. Служба собственной безопасности — она такая, вьедливая, и лучше бы не давать ей ни малейших поводов для сомнений.

По дороге обошлось без приключений. Ехали долго, часов пять. Что поделаться: контора выбрала отличное место в самой глуши для санатория, предназначенного для реабилитации раненых сотрудников. Обратная сторона комфорта и секретности. Ещё и в Самаре нас встретили пробки — последствия вчерашнего снегопада, накрывшего весь регион. Сугробы до сих пор разгребали коммунальщики.

Выскочив из машины возле здания вокзала, я сразу рванул внутрь, по привычке нацелившись на обход кордона безопасности. Но вовремя исправился. Ксивы-то при себе больше нет. Так что пришлось отстоять небольшую очередь.

— Телефон на столик возле рамки, — раздражённо сказал охранник после того, как я через неё прошёл.

— Нет телефона. Потерял, — нашёлся я.

— Ясно, — охранник равнодушно махнул рукой, мол, проходи.

Вот, кстати, и обратная сторона сверхконспирации. В наше время отсутствие смартфона выглядит подозрительно само по себе. Впрочем, едва ли он меня запомнил. Тем более, что объяснение вполне рабочее. Мало ли у кого на вокзалах телефоны пропадают?

Здание вокзала, похоже, было построено для того, чтобы пассажиров максимально дезориентировать: пересечение каких-то плоскостей и пандусов под немислимыми углами, кривые стены, скрадывающие перспективу. Пришлось использовать профессиональные навыки, чтобы не потеряться. Должно быть, обычным пассажирам при первом посещении тут приходится туго!

На поезд я едва успел. Проводница уже зашла в вагон и собиралась выставить руку с сигнальным флажком. Увидев меня с паспортом, она уже набрала в грудь воздух, чтобы сказать что-нибудь резкое. Но потом пригляделась — и передумала.

— Заходите, сейчас тронемся, — сказала она. — У вас какое место?

— Седьмое, — ответил я.

— Приготовьте паспорт, это четвёртое купе, — улыбнулась проводница.

— Спасибо! — ответил я.

Родина раскошелилась на место в спальном вагоне, как выяснилось. Тут даже душ был — правда, один на всех пассажиров, но всё-таки. Очень полезная вещь, учитывая предстоящий завтра перелёт.

Мой сосед был на месте. Им оказался подтянутый мужик за сорок, с короткой седой бородкой, в немного легкомысленных круглых очках.

— Добрый день, — приветствовал я его.

— Уже, скорее, вечер, — ответил мужик, поднимаясь со своей полки. — Я Сергей.

— Очень приятно, — кивнул я, отвечая на рукопожатие. — Евгений. Можно просто Женя.

— Взаимно, Женя, — улыбнулся сосед.

Я бросил небольшую спортивную сумку со своими нехитрыми пожитками под полку, снял пуховик и нацепил его на вешалку. После этого приготовил паспорт и выглянул в окно. Поезд уже двигался вдоль перрона.

— Никто не провожает? — участливо спросил Сергей.

— Нет, — равнодушно ответил я.

— Командировка?

— Ага.

— Понимаю. Я вот тоже по делам ездил.

Не то, чтобы я не любил словоохотливых попутчиков — но зачастую мне было просто жаль времени, потраченного на пустые разговоры. Но тут мужик вроде интересный, говорит правильно, интеллигентно. Кто он по профессии? Наверняка чиновник. Не из самых простых причём.

— Спрашивали с местных результаты реализации какой-нибудь федеральной программы? — попытался угадать я.

— Что? — Кажется, искренне удивился Сергей, — о, нет. Не совсем. Обсуждал с коллегами параметры одного предстоящего эксперимента. Я, понимаете ли, в некотором роде учёный.

Он смущённо улыбнулся.

— Интересно, — я улыбнулся в ответ. — А что изучаете? Только не говорите, что погоду. Вчерашний снегопад — результат эксперимента? — попытался пошутить я.

— Нет, — Сергей усмехнулся и отрицательно помотал головой. — В этом мы невиновны, не взыщите. Я, понимаете ли, физик. И немного математик.

Возле приоткрытой дверцы нашего купе возникла проводница. Она состроила мне глазки и протянула руку за паспортом. Я передал ей документ, Сергей последовал моему примеру.

— Спасибо, — кивнула она. — До Москвы... хорошо! Разбужу утром, за полтора часа до прибытия. Ужинать будете здесь или пройдёте в вагон-ресторан?

— Я прогуляюсь, пожалуй, — ответил я.

— А я пропущу, — ответил Сергей. — Только что плотно перекусил.

— Хорошо, как скажете, — кивнула проводница. — Сейчас, может, чаю желаете? Закуски?

— Кофе, если можно, — попросил мой попутчик.

— У нас только растворимый.

— Пойдёт, — кивнул Сергей.

— Спать не собираетесь? — улыбнулся я, когда проводница вышла.

— Надо поработать, — ответил он. — Кофеин, знаете ли, помогает.

— Уважаю, — кивнул я.

— Надеюсь, не буду слишком мешать.

— Не беспокойтесь, я привык спать в любых условиях, — ответил я.

Через несколько минут проводница принесла кофе. В купе поплыл приятный аромат, а я вдруг почувствовал, что голоден.

— Подскажите, а вагон-ресторан когда открывается? — спросил я.

— Так уже работает, — улыбнулась проводница. — Второй вагон, к хвосту. Поспешите, а то места быстро занимают.

— Ага, спасибо, — кивнул я, после чего добавил, обращаясь к попутчику: — тогда до встречи.

— Приятного аппетита! — пожелал тот, отхлебнув кофе.

Когда я добрался до вагона-ресторана, лишь один столик оставался свободным. Я занял место по ходу движения, у окна и углубился в изучение меню. Хотелось чего-нибудь посытнее.

Минут через десять подошёл официант. Это был долговязый прыщавый парень с растрёпанными волосами и тоской в глазах.

— Готовы сделать заказ? — поинтересовался он.

— Да. Паровые овощи, куриную грудку и картофельную запеканку, — ответил я.

— Что-то из напитков желаете?

— Чай, пожалуйста, — ответил я, положив меню обратно на стол.

Официант мешкал. Его глаза, только что полные рабочей тоски, вдруг остекленели.

Он медленно опустил на сиденье напротив меня. Потом подался вперёд и сказал тихо:

— Уйди. Отступись. Исчезни. Умри.

Сначала мне хотелось залепить ему пощёчину, чтобы привести в чувство. Но я сдержался.

— Что ты такое? — так же тихо спросил я.

— Я это я, — последовал ответ. — Бойся меня. Я сожру твои звёзды.

Я улыбнулся.

— Подавишься, — ответил я, выдержав небольшую паузу.

Официант моргнул. В его глазах снова появилась тоска, быстро сменившаяся удивлением. Он огляделся, ещё пару раз недоумённо моргнул. Потом вскочил.

— Извините, — пробормотал он, сверяясь со своими записями. — Грудка, овощи, чай, запеканка. Верно?

— Да, — кивнул я. — Всё верно.

Что это было? Психокодировка? Похоже на то. Его ступор был настоящим — я не сомневался. Но кто и зачем это с ним сделал? В другое время и при других обстоятельствах я бы поработал с парнем плотнее. Но сейчас рисковать не следовало. Лучшая тактика в обстоятельствах, когда тебя намеренно пытаются сбить с толку — сохранять спокойствие и продолжать делать то, что делаешь.

Значит, мне обязательно нужно добраться до цели. Получить информацию. А потом уже думать и строить гипотезы насчёт того, что это было.

Вернувшись в купе, я застал попутчика за работой. Он что-то сосредоточенно настукивал на клавишах тонкого ноутбука, однако, увидев меня, закрыл крышку и отложил компьютер в сторону.

— Как ужин? — поинтересовался он.

— Питательно, — лаконично ответил я, усаживаясь на своей полке.

Заняться было решительно нечем: смартфона нет, книги или журналы я купить не успел. Так почему бы не занять себя разговором с умным собеседником?

— Так что, говорите, вы изучаете? Так понимаю, не чистая теория, раз эксперименты ставите? — спросил я. — Квантовая физика? Элементарные частицы?

— Не совсем, — ответил попутчик. — Хотя и это тоже. Но меня больше интересует топология пространства-времени. Метрика. Дальнейшее развитие ОТО, то есть, общей теории относительности, применительно ко всем новейшим математическим открытиям.

— Интересно, — заметил я.

— Возможно, вам приходилось слышать про Григория Перельмана? И гипотезу, которую он доказал?

— О том, что всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере? — я озвучил распространённую формулировку гипотезы Пуанкаре.

— Впечатляет! — улыбнулся Сергей, округлив глаза. — Не ожидал такого от военного человека...

— С чего вы взяли, что я военный? — спросил я.

— У вас по глазам видно, — ответил попутчик. — Разумеется, это касается боевых военных. В некотором роде война накладывает свой отпечаток...

— Получается, вы ещё и психолог, — улыбнулся я.

— Да как сказать... простая наблюдательность, — ответил Сергей.

— Мы, кстати, про Перельмана разговаривали, — напомнил я. — И его открытие.

— О, да! — кивнул учёный. — Оно в некотором роде раздвинуло горизонты для определённых отраслей теоретической физики. И, надо сказать, мы серьёзно продвинулись в своих исследованиях...

Уже за полночь, когда мы вдоволь наговорились и наспорились на математические и физические темы, учёный извинился, снова достал свой ноутбук и погрузился в работу. Я же уснул под мерное шуршание клавиатуры и перестук колёс.

Меня разбудил настойчивый стук в дверь. Я открыл глаза, посмотрел на мелькающие перронные огни за окном.

— Да! — громко ответил я.

— Прибываем! — послышался из-за двери голос проводницы.

Я сел на полке, потянулся, приоткрыл дверь.

— Спасибо, — сказал я.

— Пожалуйста, — широко улыбнулась проводница, без стеснения разглядывая меня. — Может, кофе?

— Нет, спасибо, я до ресторана прогуляюсь, — ответил я, улыбнувшись в ответ.

Только теперь я заметил, что на соседней полке никого нет. В первую секунду я решил, что мой учёный сосед просто пошёл умываться, но потом заметил, что и вещи его исчезли.

— Подождите! — я окликнул проводницу, которая, насмотревшись на меня вдоволь, уже собралась было уходить.

— Да? — её пухленькие губки опять расплылись в широкой улыбке.

— А попутчик? Он что, вышел? — поинтересовался я. — Он же вроде до Москвы, как и я.

— Ага, сошёл в Рязани. Сказал какие-то срочные дела появились.

Странно, конечно, что я не проснулся — обычно у меня очень чуткий сон. Дорога так повлияла, что ли? Следует удвоить бдительность, не полагаться только на рефлексy, учитывая все обстоятельства.

Пожав плечами, проводница тоскливо вздохнула. Видимо, сожалея об упущенных возможностях.

Я хмыкнул.

— Ну вот, бывают и такие, — она пожала плечами, потом добавила извиняющимся тоном: — пойду остальных разбужу. Но вы заходите после завтрака! Если что вдруг будет надо.

И я, наскоро перекусив, действительно зашёл. До пункта назначения оставалось больше часа. Вполне достаточно времени, я ведь несколько месяцев был напрочь лишён женского внимания.

Объект

На вокзале я подошёл к ближайшему банкомату и проверил, сколько у меня денег на карточке. Сумма была неприлично большой. «Они что, все выплаты вместе с окладом за год туда кинули?» — недовольно подумал я. Хотя какой у них был выбор? По протоколу «ноль» я ведь юридически мёртв. Деньги бы просто зависли на моём прежнем счёте на неопределённое время, пока не списались бы в доход государства. Наследников-то у меня нет. Так что, пожалуй, я должен бы быть благодарен находчивым кадровикам и финансистам. Хоть часть из своих денег успею потратить.

Оказавшись в городе, я не сразу спустился в метро. Некоторое время петлял по окрестностям вокзала, выявляя возможный «хвост» или наружку. Но всё оказалось чисто, даже после очень тщательных проверок.

Я пешком дошёл до станции «Красные ворота», доехал до центра, пересел на зелёную ветку, всё также не теряя бдительности. Потом заехал в «Метрополис», крупный торговый центр на «Войковской».

В магазине техники я подобрал себе приличный ноут, договорился с продавцом, чтобы активировать систему, подключившись к магазинному фай-фаю. Сохранив пароль, разумеется.

Потом я какое-то время посидел на фудкорте, пока скачивались интересующие меня статьи и учебники по математике и физике. Чем-то цепанул меня сосед по купе... и только в этот момент мне вдруг пришла в голову мысль, что весь наш вчерашний разговор был похож на собеседование. Очередное испытание от конторы? Вполне может быть. Осталось только выяснить — прошёл ли я его.

Я скачал несколько больших архивов с новейшими статьями по математике и физике, художественную библиотеку и несколько сериалов. После этого я прогулялся по торговому центру, зашёл в спортивный магазин, купил термобельё, пуховик посерьёзнее того, который был со мной, зимние трекинговые ботинки, походную посуду, газовую горелку, непромокаемые спички, фонарик. Просто на всякий случай — места вокруг Норильска больно уж дикие. Всякое может случиться! Только после этого я выдвинулся дальше, в аэропорт.

До Норильска долетели без приключений. Когда я выходил из зоны прилёта, немного беспокоился, как меня встретят. Никаких инструкций на этот счёт мне не предоставили. Вдруг кто-то из кадров что-то напутает? Или техническая накладка? Или какой-нибудь псих ползет. Придётся с ним разбираться. А ведь связи со мной нет...

Однако же, все опасения оказались напрасными. Вместе с таксистами и другими встречающим от организаций возле выхода стоял хмурый мужик в чёрном пуховике и шапке-ушанке. В руке он держал табличку с надписью: «Лом Е.С.» Нет, определённо, на новом месте службы у кого-то в кадрах есть чувство юмора, пускай и странное.

— Доброе утро, — поздоровался я, когда подошёл к мужику.

— Евгений Самсонович? — вздохнув, уточнил он.

— Верно, — кивнул я в ответ.

— Меня зовут Семён Сергеевич, — представился мужик, протягивая руку, и добавил: — Помощь с багажом нужна?

— Спасибо, нет. Справлюсь, — ответил я, отвечая на рукопожатие.

Я продемонстрировал свою скромную спортивную сумку. Было видно, что встречающий сильно удивился, но никаких вопросов задавать не стал.

— Вот и отлично, — сказал он. — Пройдёмте со мной.

Мужик кивнул и направился в сторону, противоположную главному выходу из здания. Настала моя очередь удивляться, но так же, как и Семён от вопросов я воздержался.

Мы дошли до ворот службы безопасности. Мой сопровождающий показал какой-то документ, сотрудник кивнул, приоткрыл заграждение и, глядя на меня, сделал приглашающий жест — мол, проходи.

Оказавшись в зоне вылета, мы сразу направились к воротам, ведущим на перрон. Тут моему сопровождающему даже документ показывать не пришлось. Видимо, местные его знали.

Мы вышли наружу. Справа от входа стоял старенький чёрный «Крузёр» — сотка, праворульный. Семён открыл багажник, я закинул туда свою сумку. Потом он сел за руль, я — на пассажирское место, и мы тронулись.

Поездка оказалась недолгой. Мы приехали на вертолётную площадку, расположенную слева от главного перрона. Тут стояло несколько Ми-8 в гражданской окраске, парочка каких-то иномарок и новенький Ми-38, в кабине которого сидел экипаж.

— Вам туда, — сказал водитель, указывая на новый отечественный вертолёт. — Ребята уже ждут.

— Ясно, — кивнул я.

— Багажник открыт, если что! — добавил Семён, когда я выходил из машины.

— Спасибо, — ответил я. — Счастливо!

— И вам аналогично!

Захватив свою сумку, я направился к вертолёту. Когда я подошёл, засвистели движки и лопасти над моей головой начали раскручиваться. В борту открылась дверь. Молодой парень в синем свитере и тёплых штанах опустил небольшой трап и жестом пригласил меня.

Я поднялся, пожал протянутую руку.

— Занимайте любое место! — прокричал парень, — наушники под креслом! Рекомендую надеть, лететь долго! И пристегнитесь обязательно!

— Понял! — ответил я.

Я прошёл в салон. Он оказался роскошным: большие кресла, рабочий стол, огромная мультимедийная панель на переборке, отделяющей пассажирский салон от кабины пилотов. Парень, который меня встретил, оказался одним из пилотов. Как только я разместился, он скрылся в кабине и больше не показывался до конца перелёта.

Через минуту мы взлетели. Некоторое время внизу ещё были видны аэродромные огни и отблески города на низких тёмных тучах, потом всё поглотила сплошная чернота. Если бы не лёгкая болтанка, легко могло бы возникнуть ощущение, что винтокрылая машина повисла без движения в густом чёрном киселе.

Я надел наушники, которые нашёл под креслом. Хорошая модель, с активным шумоподавлением, специально предназначенная для вертолётчиков. В таких даже подремать можно было бы, но вместо этого я достал ноут и погрузился в чтение.

Где-то через час болтанка усилилась. Я даже начал мысленно прикидывать, что буду делать в случае экстренной посадки, как выбираться и выживать. Однако ещё через полчаса погода успокоилась. Даже облака начали рассеиваться, и на небе появились выстуженные северные звёзды. Внизу по-прежнему не было ни огонька, и о высоте, на которой проходил полёт, пассажирам вроде меня оставалось только догадываться.

Наконец, я почувствовал, что мы начали снижение. В звёздной темноте с обеих сторон от вертолёта взмыли вверх обрывистые скалы. Ущелье? Похоже на то.

Поток воздуха от несущего винта поднял небольшой снежный шторм, расчищая каменистую площадку, на которую мы приземлились. Я обратил внимание, что на ней не было ни разметки, ни навигационных огней.

Открылась дверь кабины пилотов. Показался тот же самый парень, который встретил меня у трапа. Он кивнул мне, после чего подошёл к входному люку, распахнул его и установил трап.

— Удачной охоты! — прокричал он, улыбаясь.

Я автоматически улыбнулся в ответ и кивнул. «Он сказал — охоты? — подумал я, спускаясь по трапу. — Часть прикрытия? Вполне может быть».

Спустившись, я отошёл в сторону — за пределы винтов. Пилот задраил люки и вернулся в кабину. Затем они оба помахали мне рукой, добавили оборотов и взлетели.

Через пару минут грохот вертолётных винтов затих вдали. Меня обступила звенящая тишина. Вокруг — ни малейшего следа человеческого присутствия. Только снег и тьма. Ну и громадная вертикальная стена в сотне метров от площадки, где садился вертолёт. Её контуры едва просматривались в скудном свете мерцающих звёзд.

«Ещё одно испытание? — с тоской подумал я. — Ну почему именно здесь? Ненавижу холод!»

Однако досадовать было поздно.

Я опустил на корточки перед своей сумкой, расстегнул молнию и достал светодиодный фонарик, который купил накануне в спортивном магазине. Включил его. Повёл ярким лучом по площадке.

— Вы что творите! — послышался рядом возмущённый голос. — Немедленно выключить!

Я рефлекторно рванулся в сторону и перекатился по снегу, уходя с предполагаемой линии огня. Но фонарик на всякий случай действительно выключил.

— Вы что, инструкции не слышали? — продолжал возмущаться голос.

В темноте послышались приближающиеся скрипучие шаги. Я медленно поднялся, стараясь моргать почаще, чтобы зрение быстрее адаптировалось к темноте.

— Нет, — ответил я. — Не слышал.

— Ну в смысле не слышали? Руководство ведь обещало, что...

Незнакомец приблизился ко мне вплотную. Его глаза закрывала массивная конструкция, в которой по едва заметному зеленоватому мерцанию я угадал «ночник» — прибор ночного видения.

— Стоп, — сказал незнакомец озадаченно. После чего добавил обвиняющим тоном: — Вы не лётчик!

— Не имею удовольствия им быть, — сказал я, разведя руками и на всякий случай дружелюбно улыбнувшись.

— А кто же вы тогда?.. погодите, сегодня же.. А-а-а, так вы, наверное, третий! — обрадовавшись своей догадке, сказал незнакомец. — Раненый спецназовец, да?

— Ну, в настоящий момент я полностью здоров... — пробормотал я.

— Да это ясно! — отмахнулся обладатель «ночника». — Ладно, что уж я тут с вами — давайте внутрь, а то торчим тут, как эти... эти...

Он неопределённо повёл рукой, так и не подобрав подходящий эпитет.

— Давайте, — согласился я.

— Идите за мной. Если что — на звук шагов ориентируйтесь. Тут потеряться невозможно! — уверил меня незнакомец.

Мы направились в сторону отвесной скалы. Под ногами мерно скрипел снег. Жаль, что следов никаких разглядеть было невозможно — света не хватало. Так что действительно приходилось больше ориентироваться на слух.

— А почему фонарик-то нельзя? — всё-таки решился спросить я, пока мы шли.

— Ну как почему? Спутники же! Можно вход демаскировать, если постоянно с фонариками шастать.

— А вертолёт? — продолжал я, подбодрённый словоохотливостью собеседника. — Он внимание не привлекает?

— Да вертушек-то как раз здесь хватает! — ответил проводник. — В полусотне километров крупная поисковая партия. Ну и туристы. С ними вообще удобно выходит! Они той

же площадкой пользуются. Удобно всем! А нам главное, чтобы в одном месте индивидуальные фонарики не светились. Демаскирует не сам факт одиночного появления, а регулярность. Понимаете, о чём я?

— Пожалуй, — согласился я.

— Кстати, осторожнее! Пришли, — сообщил проводник.

Мы остановились возле самой скалы. Я повертел головой, пытаюсь в почти полной темноте разглядеть хоть что-то, похожее на выход.

— Возьмите меня за руку! А то удариться можно случайно, — продолжал мой спутник.

Я протянул ладонь, ориентируясь на голос. Нашупал его руку в ледяной перчатке. Он тут же сжал мои пальцы и потянул за собой.

Сделав несколько шагов, я обнаружил, что тьма вокруг будто бы стала плотнее. Ощутимо потеплело: мы вошли в помещение.

Послышался глухой электрический гул. Что-то щёлкнуло. Затем в помещении зажегся тусклый красноватый свет. Мы находились в небольшой комнате, обшитой панелями из нержавеющей стали. Она напомнила мне кабину лифта, только без привычной панели управления с кнопками — да, собственно, ей и оказалась: я почувствовал, что мы начали спускаться.

— Ну вот, — сказал мой спутник, снимая «ночник». — Дошли! Я провожу вас до третьего уровня, там на месте вам всё скажут, что дальше делать. А мне обратно, наверх.

Проводник оказался мужчиной средних лет, с близко посаженными глазами и растрёпанными седыми волосами. Выглядел он... не так, какими я представлял себе сотрудников сверхсекретного объекта двенадцатого управления.

— Вы извините за путаницу с лётчиком. Вас-то только к вечеру ждали. Получается, раньше управились. Наверно, ветер попутный был.

— Да ничего, — дружелюбно улыбнулся я.

Я ощущал, что лифт набрал скорость. Уши немного заложило. Получается, глубина приличная. Солидно обосновались, что и говорить!

Наконец, кабина начала тормозить и вскоре остановилась. Металлические двери распахнулись.

— Ну всё, ваш уровень! — сказал проводник. — А я — обратно! Ещё не хватало кому-то из вас потеряться. Не шутки ведь — места дикие!

Кого именно он подразумевал под «вас» я уточнить не успел. Двери закрылись сразу, как только я вышел из лифта.

Я оказался в коридоре с бетонными стенами, вдоль которых на кронштейнах шли какие-то коммуникации: то ли силовые кабели, то ли трубопроводы. А возможно, и то и другое. Свет давали узкие светильники с желтоватыми светодиодными лампами под потолком. Пол немного пружинил под ногами благодаря шершавому резиновому покрытию. И пахло здесь как в спортзале: железом, резиной и почему-то сауной.

«Двигайтесь вперёд», — послышался нейтральный голос из невидимых динамиков.

Я пожал плечами и пошёл по коридору. Метров через десять он упирался в глухую стену, при этом коммуникации уходили дальше, за преграду. Слева я увидел гермодверь, справа — что-то вроде окошка, за которым была кромешная темень.

Гермодверь с гудением отъехала в сторону, открывая проход в помещение, сплошь покрытое белым кафелем.

Я поёжился. Не очень-то у меня приятные ассоциации были связаны с такими помещениями. К тому же изнутри пахло хлоркой. Не сильно — но достаточно, чтобы вызвать тревогу.

«Проходите», — повторил тот же самый голос.

Я вошёл внутрь. Дверь за мной, разумеется, тут же закрылась.

Помещение было пустым, если не считать серого пластикового контейнера, стоящего у противоположной стены.

«Положите сумку в контейнер, — продолжал командовать невидимый оператор, — после этого полностью разденьтесь и туда же положите вашу одежду и личные вещи».

«Блин, карантин у них что ли? — недовольно подумал я. — Или они совсем параноики?»

Однако же инструкции выполнил. Насчёт наготы у меня не было никаких комплексов. Стыдно не тогда, когда видно — а тогда, когда показать нечего. У меня же было, что показывать. Позывной «Шланг» я приобрёл вовсе не потому, что любил отлынивать от заданий.

«Пройдите в кабину».

Я огляделся. Одна из кафельных панелей открылась, за ней оказалось что-то вроде душевой с многочисленными форсунками.

Пожав плечами, я пошлёпал по голому полу туда, куда было указано. За моей спиной панель закрылась.

«Поднимите руки и не опускайте до окончания обработки», — продолжал командовать голос.

Я послушно поднял руки над головой.

Для начала меня обдало прохладными струями из боковых форсунок. Потом сверху начали падать хлопья густой пены с химическим запахом. После этого был вполне приятный тропический душ. Этот цикл повторился три раза, потом в кабине задул упругий тёплый ветер, полностью высушивший мою кожу и волосы за пару минут.

Наконец, кабинка открылась — только не с той стороны, откуда я вошёл, а с противоположной.

Следующее помещение походило на полноценный медицинский кабинет: тут были кушетки, смотровые стулья, белые шкафы с какими-то приборами. А ещё здесь находилось сразу три девушки в белых халатах и медицинских масках.

— Проходите, сюда, пожалуйста, — сказала одна из них, указывая на ближайшее смотровое кресло.

— Мне прям так садиться? — на всякий случай уточнил я.

— Можете прямо так, — кивнула она. — Здесь стерильно. И обработка проводится после каждого посещения.

— Ну ладно, — я пожал плечами и устроился на кресле.

В течение следующих нескольких минут у меня взяли столько мазков, соскобов, вытяжек, из всех мыслимых и не очень мыслимых отверстий, что, кажется, этого должно было хватить на всю предстоящую жизнь. Не могу сказать, что процедуры были приятными — кому понравится быть лабораторным кроликом? Но, к чести девушек-докторов, вели они себя вполне профессионально.

Только в самом конце позволили немного пошутить.

— А вы хорошо держитесь! — сказала одна из них, вынимая иглу из моей вены. — Не все ваши коллеги настолько же терпеливы и выдержаны.

Я уже набрал в грудь воздух, чтобы поблагодарить за неожиданный комплимент, но меня опередила другая девушка.

— Ну, у него есть все основания для уверенности в себе, правда?

Две девушки прыснули.

— Люда!.. — сказала третья с укором. Но потом посмотрела на мою улыбающуюся физиономию и смягчилась, — хотя, пожалуй, ты права.

— Держите вот, одевайтесь, — одна из девушек достала из шкафа комплект казённой одежды, в который входили трусы-боксеры, шлёпанцы, носки и простой спортивный костюм серого цвета.

— Спасибо, — кивнул я. После чего принялся одеваться.

— Дальше по коридору будет проход в жилой модуль, — продолжала одна из врачей. — Вас встретит комендант и покажет ваш номер.

— А мои вещи? — уточнил я.

— На проверке службы безопасности и дезинфекции, — ответила она. — Вернут через пару дней, если всё в порядке. Не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь, — улыбнулся я, пожав плечами.

— Что ж, уверенности в себе вам и вправду не занимать, — ответила врач. Несмотря на маску, я видел, что она улыбается — по глазам.

Отряд

Жильё оказалось вполне приличным, настоящий гостиничный номер, причём хорошего класса: спальная комната, помещение для отдыха с большим настенным телевизором, гардероб, где уже лежали наборы спортивных костюмов, комбинезонов, термобелья, чего-то вроде синих пижам, мембранных пуховиков и прочей специализированной одежды. Причём моего размера. Санузел с тропическим душем. Что ещё нужно для счастья? Разве что настоящее окно, которого, по понятным причинам здесь не оказалось.

До номера меня проводил Игорёк — комендант жилого сектора, улыбочивый молодой парень субтильного телосложения. Вручая мне пластиковую ключ-карту, он обещал провести небольшую экскурсию по сектору, «после того, как я устроюсь на месте».

Не понимаю, в чём именно должно было заключаться это «устройство»: вещи мне так и не отдали, в душе не было никакой необходимости, после всех процедур, через которые я только что прошёл. Но ради приличия я проторчал в номере полчаса, знакомясь с бытовым оборудованием: регулировками климатической установки, вариантами освещения (а их было больше десяти!) ну и телевизор включил, из любопытства.

Выяснилось, что через локальную сеть телевизионная панель имела доступ к архиву с фильмами, сериалами, образовательными программами и концертами. Нельзя сказать, чтобы он был огромным, но скоротать вечерок, включив что-то для поднятия настроения, было вполне реально.

Удовлетворённый осмотром, я сменил шлёпанцы на простые кроссовки, которые обнаружили в ящике для обуви, и вышел из номера.

Пост коменданта находился в конце коридора, всего в двух сегментах от моей двери. Игорёк был на месте: сидел перед батареей мониторов, на которые выводились изображения с камер наблюдения, и читал какую-то книжку.

— О, привет! — улыбнулся он, заметив меня. — Что, прогуляемся? Покажу, что и как!

— Давай, — согласился я.

Игорёк погасил свет в помещении и вышел, заперев дверь на магнитный замок.

— В общем, сейчас мы с тобой находимся в жилом модуле «Альфа», — начал он, когда мы вышли в коридор. — Он самый маленький, здесь всего десять кают.

— Кают? — уточнил я.

— Ну да, — он пожал плечами. — Тут все так говорят. Просто принято. Почему — не знаю. Вроде бы Сергеич был когда-то военным моряком, вот от него и пошло.

— А Сергеич — это кто? — я решил не отказывать себе в удовольствии проявить любопытство.

— Так как же, вас что, не познакомили ещё? — искренне удивился комендант. — Сергей Сергеевич, научный руководитель. Но вообще, говорят, это он всё придумал и пробил в своё время. Так что он тут главный, за ним решающее слово и всё такое.

— Ясно, — кивнул я.

— Так вот, модуль «Альфа». Его готовили специально для вас. Сдали в эксплуатацию совсем недавно, всего пару месяцев как...

— Прости, что снова перебиваю, а для вас — это для кого?

Игорёк даже остановился. Посмотрел на меня, с подозрением приподняв бровь.

— Тебе что, не говорили? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Ну, в смысле, я и не спрашивал особо...

— Ясно. Тогда жди инструктажа. Там всё расскажут. А то я тебе сейчас выдам, что сам знаю — а меня потом за это по шапке начальство, — ответил Игорёк.

— Ну ладно, — я равнодушно пожал плечами. — Подожду.

— В общем, этот модуль. Новенький, десять кают, — продолжал он. — У тебя седьмая. На дверях табличек нет, это тоже так принято. Потом, как обустроишься, сможешь на дверь что-то своё наклеить. На объекте все так поступают. Вроде мелочь — но психологи говорят, помогает избежать лишней казённости.

— Ясно, — кивнул я.

— Третья и пятая уже заняты, — продолжал комендант. — Ну да потом сам познакомишься, за ужином, не будем людей беспокоить.

— У вас что, принято сначала нечётные номера занимать? — уточнил я.

Игорёк зыркнул на меня недобро, но всё-таки ответил.

— Нет. По жребию. Просто так совпало.

Тем временем мы дошли до дверей моей каюты.

— Вот здесь ты живёшь, — продолжал комендант, — теперь запоминай: третья дверь дальше по коридору — столовая. Пойдём, покажу.

Мы дошли до столовой. Она оказалась просторной и хорошо оформленной: деревянные стенные панели, искусственная зелень, картины, фальшивые окна с лесными пейзажами. Я бы, скорее, принял это помещение за уютное городское кафе, чем за что-то казённое. К тому же, здесь приятно пахло кофе.

— Она работает круглосуточно, — пояснил Игорёк. — Можно сделать дежурный заказ вот здесь, — он показал на небольшой пульт с сенсорным экраном, на котором отображались названия блюд и напитков. — Но это на экстренный случай, если заработались, были на мероприятии или эксперименте. А так принято ходить по расписанию, всем вместе.

— Ладно, — кивнул я. — А расписание как узнать?

— Да вот же! — он кивнул в сторону одного из фальш-окон.

Внизу, под изображением леса, действительно была небольшая таблица с указанием времени завтрака, обеда, полдника и ужина. «Четыре приёма пищи — совсем не плохо!» — обрадовался я.

Здесь же, внутри модуля, был свой спортзал. Всё, как в хорошем фитнес-клубе: зона свободных весов, блочные тренажёры, зона калистеники и кросс-фита. Даже двадцатипятиметровый бассейн и набор саун — хамам, финская, русская. Увидев эдакую роскошь, я прямо духом воспрял и в какой-то момент поймал себя на том, что широко улыбаюсь.

— Нравится? — поинтересовался Игорёк. — Сергеич настоял. Такое дело не в каждом модуле имеется. Обычно спорткомплекс один на целый уровень и по вечерам там бывает людно. Но видишь: главный решил, что вам нужно.

Опять это «вам»! Но, понятно, вопросы на этот счёт задавать бесполезно. Придётся проявить терпение.

Мы дошли до конца модуля. Здесь была большая гермодверь с пультом управления.

— Ну вот и всё хозяйство, — сказал комендант. — За дверью — оранжерея. Все модули на этом уровне сделаны так, чтобы торцом выходить туда. Считается полезно для психики. Не знаю — по мне так раздражает. Лишнее расстояние.

— Посмотреть можно? — спросил я.

— Вообще да, но не прямо сейчас. Шеф сказал не выпускать вас до инструктажа, а он, скорее всего, только после ужина будет.

— А который сейчас час? — поинтересовался я, вспоминая расписание столовой.

— Три по полудни, — ответил Игорёк, сверившись с наручными часами. — Ещё долго.

— Хорошо, — кивнул я. — Но в спортзал-то сходить можно?

— А, это пожалуйста! Сколько угодно в свободное время. А у тебя оно, получается, как раз свободное и есть!

Он почему-то хихикнул. Я юмора не уловил, поэтому отвечать не стал.

— Ну ладно. Я тогда к себе, — добавил комендант.

— Спасибо, — ответил я.

— Да не за что! Мне не сложно — лишний повод ноги размять. Всё-таки тоскливо сидеть в четырёх стенах часами... но шеф сказал первую неделю иначе никак, так что вот...

Он грустно вздохнул.

— Ничего, — ответил я. — Зато можно почитать чего-нибудь интересного.

— Это да, — кивнул комендант. — Вот как раз пойду этим заниматься.

Удивительные здесь всё-таки порядки. Он даже не уловил намёк на нарушение дисциплины. Интересно, это что, и наверху караулы так же стоят, как здесь? Если да — то мне что-то как-то тревожно... ну да ладно, рано делать поверхностные выводы. Может, тут специально дают людям расслабиться, а вопросы реальной безопасности контролирует электроника и нейросети. Вполне может быть. Тогда настоящее предназначение Игорька — первичная адаптация. Способ снять напряжение.

Вернувшись в номер, я переоделся в шорты, взял с собой плавки и шлёпанцы, после чего направился в спортзал. Немного пробежался на дорожке для разогрева, потом пошёл на турники.

В самый разгар тренировки я вдруг почувствовал чьё-то присутствие. Чуть не свалился с турника, но вовремя успел перехватить перекладину. Спрыгнул, будучи наготове сходу вступить в схватку. Огляделся.

Возле меня стояла девушка в таком же сером спортивном костюме, который был на мне. Она была очень красива: выразительные серые глаза, высокие скулы, чувственные губы, отличная спортивная фигура.

— Привет! — сказала она. — Я Диана.

Она протянула мне ладонь.

Я впал в какой-то ступор и стоял, глупо улыбаясь. Девушка терпеливо ждала моей реакции.

— Приятно, — наконец, смог произнести я. — Меня Евгений зовут... можно просто Женя.

Я осторожно принял её ладонь в свою руку, наслаждаясь теплом её тела.

— Я тоже рада, просто Женя, — улыбнулась она. — Можно мы на ты, ладно? Я не люблю формальностей. Давно прибыл?

— Э-э-э... сюда? — глупее вопроса невозможно было представить, но у меня правда будто мозги замедлились.

— Ну разумеется, — она развела руками. — Куда же ещё.

— А-а-а! Нет, недавно. Вот, наверно, несколько часов только...

— И сразу на тренировку? — Она удивлённо подняла бровь. Потом спросила, приблизившись на шаг и понизив голос: — скажи, а тебе тоже устроили полное медицинское обследование с забором анализов?

— Ага! — кивнул я. — Такое себе, да?

— Да уж... — охотно согласилась она, продолжая широко улыбаться. — Я потом весь день в себя приходила! Но ты молодец, только прибыл — и уже в тонусе.

— Да какой там, — я махнул рукой. — Так... в себя прихожу.

— Понимаю... я вообще хотела в бассейне поплавать. Ты как? — спросила она.

— Я с удовольствием!

Мы разошлись по раздевалкам, чтобы через пару минут встретиться во влажной части комплекса.

— Ну что, на перегонки? — предложила Диана.

— Давай! — я довольно осклабился, приготовившись изображать борьбу. «Поддамся немного, чтобы ей не было так обидно проигрывать», — думал я. С нормативами по плаванию у меня всегда всё было отлично.

Что-то неладное я заподозрил уже на первом круге. Вроде бы я и поддаваться перестал, а Диана всё также шла вровень со мной. Следующий круг я уже вышел на полную силу, но она и не думала отставать!

В итоге пятьсот метров я проиграл на целый корпус несмотря на то, что выложился до доньшка.

Выбираясь из бассейна и пытаюсь восстановить дыхание, я услышал её залихватистый смех.

— Жень, прости, — сказала она, успокаиваясь. — Ты очень достойно держался, правда! Особенно для человека, который только что после ранения восстановился!

— Откуда ты про ранение зна... — начал было я, но вовремя сообразил, что на мне ведь одни только плавки. Все шрамы видно. — А, ну да.

— Когда-то я была олимпийской чемпионкой! — продолжала Диана. — Ушла на пике карьеры, поставив мировой рекорд.

Я присвистнул, глядя на неё с новым интересом.

— Получается, ты профессиональная спортсменка? — спросил я.

— Это в прошлом, — ответила Диана. — Я учёная. Физик. Кстати, единственный профессиональный научный работник в нашем отряде!

Ну вот, опять про отряд... ясно, что на этой базе создаётся особое подразделение, судя по всему, с очень необычными критериями отбора. Что мне известно на настоящий момент про этот отряд? Немного информации по составу: в него вхожу я, какой-то лётчик и физик-пловчиха. И что же такого может нас объединять, а?

— А что за отряд? — немного поколебавшись, всё-таки решил спросить я. Вдруг Диана окажется более словоохотливой, чем комендант?

— Ой, ты же ещё не в курсе! — улыбнулась она. — Давай тогда не буду сюрприз портить! Сергеич вечером всё расскажет, на вводном инструктаже. Он точно сделает это лучше, чем смогла бы я.

— Сергеич — это начальник этого всего?

— Ну да. Научный руководитель. И автор главного открытия нашей эпохи. Точнее, соавтор, но это малозначимые детали... слушай, — она взглянула на большие электронные часы, установленные на стене. — У нас не так много времени до ужина осталось, а мне надо ещё себя в порядок привести.

— Тогда, получается, за ужином встретимся? — спросил я.

— Конечно, — кивнула Диана. — Почему нет?

Она подмигнула мне, улыбнулась и удалилась в сторону женской раздевалки. Помешкав немного чтобы перевести дух я последовал в мужскую.

Вернувшись в свою, как принято здесь говорить, каюту я включил телевизор и некоторое время копался в архиве, чтобы включить что-нибудь такое, расслабляющее. В итоге увлёкся выбором и чуть не пропустил начало ужина.

Я пришёл в столовую ровно через пять минут после рекомендованного в расписании времени. За большим круглым столиком, расположенным ровно по центру помещения, уже сидело четверо. С Дианой я уже познакомился. Место слева от неё занял молодой совсем парень, лет двадцать на вид. Блондинистый, атлетичный, голубоглазый, с большой челюстью и высокими скулами. Хоть сейчас вешай на какой-нибудь пропагандистский плакат, ну или в рекламу средств по уходу за чем-нибудь. За чем именно не так важно: у него было ухоженным всё, начиная от аккуратной модной причёски, заканчивая гладко выбритым подбородком, на котором не было даже следа раздражения или порезов. Он широко улыбался и что-то тихо говорил Диане на ушко. Я поймал себя на том, что ощутил нечто, подозрительно похожее на укол ревности.

Справа от Дианы сидел мужчина, на вид лет сорока. Мужественное загорелое лицо с наметившимися морщинами, волосы «перец с солью», умные карие глаза. Ну и крепкие мышцы, агрессивно бугрящиеся под серой спортивной футболкой. Напротив него ужинал

парень, голову которого можно было бы пробовать на роль Колобка для сказочных фильмов: круглое лицо, нос картошкой, светло-серые глаза, глядящие на мир обманчиво-простоудушно и блестящая лысина. Судя по ушам-«пельменям», парень серьёзно увлекался борьбой.

Похоже, тут вообще подобрали клуб атлетов... тайная сборная на секретные альтернативные Олимпийские игры? Вполне себе версия, учитывая общую ситуацию.

Увидев меня, Диана приподнялась на стуле и помахала рукой.

— Женья, привет! А мы тебя уже заждались! — сказала она.

Выражение лица блондинчика в этот момент прямо противоречило сказанному.

— Ребята, эта Женья! — продолжала Диана. — Я рассказывала, мы сегодня тренировались вместе.

Я так и представил себе, как она делится с этим белобрысым моим позором. Даже кровь к ушам прихлынула... однако же, красавчик продолжал на меня глядеть волком. Ни намёка на насмешку в льдистых голубых глазах. Неужели не стала рассказывать?

— Рад познакомиться, — сказал кареглазый мужчина, тоже приподнимаясь на стуле и протягивая руку. У него оказался низкий, неожиданно приятный голос. — Влад.

Я подошёл к нему и пожал крепкую мозолистую ладонь.

— Очень приятно, — кивнул я.

— Антон, — представился «борец». — Добро пожаловать, так сказать, в команду.

— Спасибо!

Ещё одно крепкое рукопожатие.

— Максим, — улыбнулся блондинчик. Правда, эта его улыбка была больше похожа на хищный оскал.

Я занял место возле Влада. Покопался в электронном меню и выбрал гречку с котлетой и овощной салат. Еда появилась всего через минуту: прямо в столешнице открылся небольшой люк и оттуда поднялся поднос.

— Так ты, стало быть, сегодня прибыл? — спросил Влад, глотнув чая из дымящейся кружки. Тарелка перед ним была уже пустой.

— Да, — кивнул я. — Несколько часов назад.

— Мы-то с Максом уже второй день здесь торчим. Диана вчера заехала. Получается, только вас ждали.

Я взглянул на блондинчика. Выходит, он и есть тот самый лётчик, с которым нас поначалу перепутали? Наверняка ведь после меня заселился. А уже вон как с Дианой, изображает, будто давно знакомы.

Отломив кусок котлеты, я отправил её в рот, закусив гречкой. Вкусно! Прямо на удивление.

— Ну что, раз все в сборе, то давайте знакомиться по-настоящему, что ли, а? — вмешался предполагаемый лётчик. — Кто где служил-работал? Как сюда попал?

Диана и Антон переглянулись.

— А вот ты бы с самого себя и начал бы, — пробасил Влад.

— У меня есть предложение интереснее, — вмешался я. — Давайте попробуем угадать, кто есть кто!

Максим от неожиданности даже глазами заморгал.

— Нечестно! — улыбнулась Диана. — Я тебе про себя рассказать успела! Да и про тебя уже знаю.

— Ничего ты не успела, — возразил я, с чувством удовлетворения наблюдая за лицом лётчика. — Так только, общая специализация. И я никому не расскажу!

Диана засмеялась.

— Что ж, это может быть интересно! Ну, попробуешь угадать, чем занимался Максим?

Тот, похоже, хотел возразить, но взглянув на Диану передумал.

— Да лётчик он, — небрежно сказал я, и добавил от себя, угадывая, ради спортивного интереса: — истребитель.

У того даже челюсть приоткрылась. Однако он быстро взял себя в руки.

— А не с этого объекта ли ты попал к нам? — спросил он, подозрительно прищурившись.

Ответить я не успел. В столовую забежал запыхавшийся Игорёк.

— Так, ребята! — начал он, но потом посмотрел на Диану и поправился: — и девчата! Сергеич прибыл. Малый конференц уже готов, вас ждут на инструктаж! Так что быстренько заканчиваем с ужином — и за мной!

Тессеракт

Большая гермодверь в конце главного коридора жилого модуля была открыта. Миновав её, мы оказались в настоящем лесу. Или, скорее, в джунглях: вокруг вздымались стены бурной растительности, пахло зеленью и цветами. Высоко над головой потолок имитировал настоящее небо и солнечный свет.

— Ого! — прокомментировал лётчик. — Роскошно, однако!

— Ну, как я говорил, люди здесь живут месяцами и даже годами, — ответил Игорёк, не останавливаясь и не сбавляя шага. — Без этого всего было бы сложно.

— Да уж... — согласилась Диана.

Резиновый пол под ногами превратился в шершавую плитку. Несколько раз мы поворачивали то на более широкие дорожки, то потом снова переходили на узкие. Я заметил, что каждый поворот был отмечен определёнными цветовыми знаками — несколько точек в ряд, справа по ходу движения. Я постарался запомнить маршрут, просто на всякий случай.

Шли мы долго, может, минут двадцать. Размеры оранжереи впечатляли. Наконец, после очередного поворота мы приблизились к стене, выкрашенной голубой краской, в которую была вмонтирована ещё одна гермодверь с круглым окошком-иллюминатором.

Когда мы подошли достаточно близко, дверь открылась. За ней оказался небольшой слабо освещённый тамбур, миновав который мы вошли в аудиторию, напоминающую лекционные амфитеатры в старых университетах.

Внизу, на кафедре, стоял человек в круглых очках, свитере и синих джинсах. Я его сразу узнал. Это был мой попутчик, сосед по купе в поезде, на котором я добирался из Самары до Москвы. Увидев нас, он приветливо улыбнулся и сделал приглашающий жест, указывая на свободные места, которых было в достатке.

Мы спустились вниз и не сговариваясь заняли места по центру, прямо напротив кафедры.

Когда мы разместились, из боковой двери внизу, слева от кафедры вышла Светлана Юрьевна. С момента нашей встречи в санатории она совершенно не изменилась: тот же тугой пучок волос на голове, тот деловой брючный костюм. Она поприветствовала нас кивком и заняла место за столом под большой чёрной доской.

— Доброго вечера, господа и дамы, — начал мой бывший попутчик. — Меня зовут Сергей Сергеевич. Я научный руководитель проекта «Север». С некоторыми из вас я уже имел удовольствие пообщаться лично, чтобы развеять последние, так сказать, сомнения.

Он оглядел нас, выдержав паузу. Потом продолжил.

— Большинство из вас понятия не имеет, что это за проект такой и чем вам предстоит заниматься. С этого, пожалуй, и начнём. Присутствующие здесь отобраны из огромного количества кандидатов для того, чтобы реализовать главную мечту человечества. А именно — осуществить перелёты в иные звёздные системы, к другим обитаемыми мирам.

Мои соседи начали переглядываться. Лишь Диана сидела спокойно и уверенно глядела на кафедру, едва заметно улыбаясь. Почему-то именно эта её улыбка убедила меня, что это не очередной психологический тест, а всё серьёзно и по-настоящему.

— Нет, это не метафора и не преувеличение, — продолжал научный руководитель. — Сейчас вы, наверно, задаётесь вопросом: как вообще такое возможно? Ведь вся мировая наука нас тщательно убеждала в том, что межзвёздные перелёты бессмысленны из-за ограничений Общей теории относительности, требуемых ресурсов, продолжительности жизни человека и вообще, скорее всего, невозможны.

Он прервался и сделал глоток воды из стеклянного стакана, который стоял перед ним на кафедре.

— И вот, что я вам скажу: такое ощущение создавалось специально. А знаете почему? Да потому что после создания ядерного и ракетного оружия были сделаны соответствующие выводы. Да, в некотором роде, технологии «Манхэттенского» проекта обгоняли конкурентов на несколько лет — но общая теоретическая база была одной и той же. Поэтому их повторение было, так сказать, вопросом времени. Осознавая это, группа советских учёных в далёком сорок девятом году предложила создать наше Управление. Его основной и главной задачей являлось выявление потенциально прорывных направлений исследований. А ещё — создание условий по намеренной дезинформации мирового научного сообщества, которое позволяло бы их скрывать. Это момент понятен?

Сергей Сергеевич оглядел аудиторию, глядя поверх оправы своих круглых очков. Мы сидели, затаив дыхание.

— Идём далее. Вы все знаете о частных решениях Общей теории относительности, о так называемых «кротовых норах» или пузырях Алькубьерре. С их помощью теоретически можно путешествовать быстрее скорости света. И что же мешает нам на практике реализовать все эти вещи? А? Кто знает?

Руководитель снова прервался, глядя на нас. И тут вдруг Антон поднял руку.

— Да, Антон, пожалуйста, можете ответить.

— Для создания пузыря Алькубьерре вокруг объекта, аналогичного по размеру МКС, требуется энергия, эквивалентная массе Юпитера, — ответил борец. — Ничем подобным мы управлять пока что не можем.

То, что сказал Антон, настолько не соответствовало его внешности, что вызвало почти физически ощутимое чувство диссонанса. Я поймал на себе взгляд Дианы. Она улыбалась, наблюдая за моей реакцией.

— Совершенно верно! — кивнул Сергей Сергеевич. — А теперь посмотрите на современную ситуацию в квантовой физике. На энергетический барьер, мешающий получить, так сказать, практические данные для дальнейшего построения так называемой Стандартной Модели? Ничего не напоминает, а?

Он улыбнулся.

— Научная общественность признаёт, что обладает реальными знаниями не более чем о трёх процентах вещества Вселенной, которые относятся к барионной материи. И, чтобы объяснить расхождение между совсем уж очевидными экспериментальными данными и теорией придуманы всяческие своего рода костыли вроде тёмной материи и тёмной энергии. Конечно, это сделано намеренно! Но мы отвлеклись. Итак, энергетические ограничения. Действительно: как утилизировать целый Юпитер энергии? Или построить ускоритель частиц, размером с Млечный Путь?

Сергей Сергеевич ухмыльнулся, сделал ещё один глоток воды. Потом за его спиной начал медленно опускаться экран. Свет в аудитории померк, и появилось изображение галактики. Вероятно, нашей, судя по конфигурации ядра с перемычкой и спиральной форме.

— Когда говорят о сжатии или деформации пространства-времени, часто в пример приводят двухмерные модели, вроде этой, — продолжал руководитель.

Над изображением галактики появилась сетка, сжатая в воронку возле её центра.

— Но подумайте, где же именно происходит реальное сжатие трёхмерного континуума? — сказал Сергей Сергеевич. — А я вам скажу. Разумеется же, в континууме четырёхмерном. Теперь попробуйте осознать: наш трёхмерный континуум обладает собственной внешней топологией, если глядеть на него из континуума четырёхмерного. Для того, чтобы попасть из одной условной точки трёхмерного пространства в другую, которая находится рядом именно в четырёхмерном пространстве, но на расстоянии многих сотен световых лет в трёхмерном, вовсе не требуется тратить прорву энергии, сопоставимой с массой звёзд. Потому что нет необходимости искривлять сам континуум — он ведь уже искривлён. Просто мы имели очень приблизи-

тельное представление о его топологии, основанное только на известных нам гравитационных аномалиях. В реальности всё несколько сложнее. Наше трехмерное пространство выглядит не так, а, скорее, вот так.

Двухмерная сетка над галактикой на изображении смялась, будто бумажный лист. Затем он оказался вписан в сетчатый куб. Потом изображение приблизилось. Два участка смятой сетки оказались рядом друг с другом. Между двумя точками на этих участках возникли две линии. Одна следовала сложной топологии смятого участка, другая же соединяла точки напрямую.

— На экране вы видите модель путешествий в двухмерном континууме через трёхмерный. Совершенно тот же принцип возможен на следующей размерности. Забегая вперёд, скажу, что к настоящему моменту на квантовом уровне мы фиксируем как минимум семь реально существующих измерений континуума. Но до недавнего времени это всё было не более, чем математической абстракцией. Ведь действительно: как построить прибор, обитая внутри всего лишь трёхмерного пространства, который позволял бы исследовать топологию высших измерений? Долгие годы это было неразрешимым препятствием. До появления первых квантовых компьютеров.

Научный руководитель прервался и снова оглядел нас, оценивая произведённый эффект.

— Да-да, именно так! — сказал он секунду спустя. — Посмотрите на эту двухмерную модель.

Изображение на экране сменилось. Теперь там возник белый лист, на котором были грубо нарисованы два человечка.

— Эти обитатели двухмерного мира не имеют возможности выглянуть за пределы своего листа, потому что их органы зрения, глаза, тоже двухмерны.

Изображение одного из человечков приблизилось. Его голова заняла почти весь экран. В глазнице прорисовалось схематическое изображение глаза с пересекающимися в хрусталике лучами.

— Как видите, двухмерные лучи, которые падали бы на двухмерную сетчатку под неправильным углом не оказали бы на неё никакого влияния. Он просто не видит, каким образом нужно расположить доступные ему инструменты, чтобы вынести что-то за пределы плоскости. Но такая возможность, разумеется, существует!

Изображение человечка снова отдалилось. Теперь рядом с ним возникло грубое изображение рычага, опирающегося на точку. Потом часть этого рычага оказалась вырезана ножницами на листе. Теперь с основой он соединялся только согнутой перемычкой.

— Видите? Это простейший способ. Однако же, как видите, свойства двухмерного предмета в трёхмерном мире могут оказаться недостаточными для серьёзных манипуляций.

Часть рычага, оказавшаяся вне плоскости листа, согнулась, образовав ребро жёсткости.

— Так уже интереснее, да? Мы придали двухмерному объекту свойства трёхмерного за счёт изменения его топологии, видите? — продолжал Сергей Сергеевич. — Теперь представьте, что двухмерный человек не зафиксирован на своём листе жёстко.

Рычаг на экране зацепил руку нарисованного человека крохотным крючком. И поднял его над листом. Масштаб изображения снова изменился — лист стал огромным. Рычаг переместил человечка в другой сектор плоскости.

— Примерно это работает на практике, — сказал Сергей Сергеевич.

Изображение белого листа исчезло. Вместо него появилась картинка с камеры. Она была установлена в углу белого квадратного помещения, в центре которого парила конструкция из нескольких кубиков. Она выглядела так, как если бы к каждой грани обычного куба приклеили по ещё одному кубу, и снизу добавили бы ножку из двух дополнительных кубов.

— Съемка сделана на борту космического аппарата, который мы отправили в точку Лагранжа, специально для этого эксперимента, — продолжал научный руководитель. — Это

необходимо, чтобы минимизировать гравитационные флуктуации. Как видите, в центре находится трёхмерная развёртка тессеракта, четырёхмерного куба. Ни один обычный человек не в состоянии собрать её в четырёхмерную конструкцию, по причине отсутствия четырёхмерного зрения, о чём я, собственно, уже упоминал. Но квантовый компьютер способен воспроизвести четырёхмерную «картинку» даже по косвенным данным. И рассчитать правильные направления манипуляции. Вот так.

Из углов помещения выдвинулись три механические руки — манипулятора. Они приблизились к развёртке, взялись за кубы и... то, что произошло дальше, было похоже на видео, сгенерированное нейросетью. Один из кубов в «ножке» будто поплыл, натянулся на соседний, который провалился в центральный. Через несколько секунд развёртка исчезла, а в центре помещения плавал самый обычный куб.

— Теперь мы видим проекцию реально существующей четырёхмерной фигуры в нашем пространстве, — прокомментировал научный руководитель. — Кстати, вот она.

Он потянулся под кафедру, после чего извлёк оттуда небольшой куб, с гранью сантиметров в десять. Тот выглядел точно так же, как на только что показанном видео.

— Вот, собственно, самое главное, — сказал Сергей Сергеевич. — А теперь я готов выслушать вопросы!

Некоторое время было тихо. Мы украдкой переглядывались между собой. Потом Максим осторожно поднял руку.

— Да, Максим Алексеевич, слушаю вас! — кивнул руководитель.

— Вы говорили про обитаемые миры... это уже точно? — спросил лётчик.

— Отличный вопрос, — улыбнулся Сергей Сергеевич. — С того момента, как мы поняли, что наш квантовый компьютер в состоянии изучать реальную топологию нашего континуума, мы, так сказать, не сидели на месте.

На экране снова возникло изображение галактики.

— Из точки Лагранжа между Землёй и Солнцем доступны проходы к ста тридцати пяти звёздам и звёздным системам, — сказал руководитель. — Подавляющее большинство, а именно сто двадцать девять звёзд, находятся внутри нашей Галактики. Ещё пять — в шаровых скоплениях — спутниках. И одна, предположительно, в туманности Андромеды.

На схеме зажглись красные точки, беспорядочно разбросанные по всей Галактике.

— Сто семнадцать звёзд имеют планетарные системы, — продолжал Сергей Сергеевич. — На двадцати одной планете в девятнадцати системах в той или иной форме существует жизнь.

Часть точек поменяли цвет с красного на зелёный.

— В четырнадцати мирах жизнь основана на углероде. В семи мирах развитие жизни достигло стадии разума, при этом в пяти мирах живут не просто разумные существа, а люди.

Научный руководитель снова выдержал паузу, повертев в руке опустевший за это время стеклянный стакан.

В этот раз руку поднял Влад.

— Да, Владислав Александрович, слушаю вас!

— Это означает, что жизнь в этих мирах развивалась точно таким же путём, что и на Земле, и в итоге породила существ, похожих на нас? То есть, конвергентная эволюция? — спросил он.

— Это была наша первая гипотеза, как только мы получили изображения с ранних зондов, — улыбнулся Сергей Сергеевич. — Однако всё оказалось сложнее. Люди в пяти мирах генетически совместимы с нами. По мнению биологов и генетиков, разделение популяций произошло от ста до пятидесяти тысяч лет назад. При этом у всех биосфер в этих мирах, несмотря на порой существенные различия, совершенно точно общие с земной жизнью корни.

— Гипотеза палеоконтакта... — улыбнулся Антон.

— Может теперь считаться не только гипотезой, — ответил Сергей Сергеевич, вздохнув. — Очевидно, что между нашими мирами уже было налаженное сообщение.

— А почему оно прервалось? — спросил Максим, едва подняв руку. — Удалось выяснить?

— Оно прерывалось несколько раз, — сказал научный руководитель. — Мы изучаем этот вопрос. И сбор информации по этой теме, кстати, будет в полётном задании каждого из вас.

— Пять миров, пять человек, — теперь я решился вставить свою реплику. Обошёлся без поднятой руки — встреча, очевидно, уже перешла в формат разговора. — Получается, мы все должны полететь?

— Именно так, — кивнул Сергей Сергеевич. — Должен сказать, что отыскать вас, учитывая все предъявляемые к кандидатам требования, было совсем не просто.

— Я всегда считал, что настоящими космонавтами становятся только лётчики, — улыбнулся Максим. — Не считая всяких туристов.

— Когда-то космос сам по себе был новым рубежом, — вздохнув, ответил научный руководитель. — С тех пор ситуация сильно изменилась. Вы не столько космонавты, сколько будущие исследователи. У вас не будет необходимости пилотировать средства доставки, за вас это будет делать компьютер. К тому же, вы, наверно, обратили внимание: у всех вас, так сказать, отличная спортивная подготовка. Это неспроста. Дело в том, что на всех планетах, где живут люди, гравитация выше земной.

— Скажите, а эти миры уже как-то распределены между нами? — поинтересовался Влад.

— А вот этот вопрос уже относится к сфере компетенции Светланы Юрьевны. Она у нас отвечает за комплектование первого отряда.

Сергей Сергеевич посмотрел на свою коллегу, которая с момента начала этого разговора-лекции сидела молча.

Она поднялась с места, подошла к кафедре и встала рядом с научным руководителем.

— Нет, дорогие участники первого отряда, в настоящий момент за вами нет закреплённых миров. Более того: мы даже не знаем, кто из вас будет первым. Как понимаете, это важный момент для истории. Именно этими вопросами буду заниматься лично я в ближайшие недели, пока вы проходите программу подготовки.

— Благодарю, — кивнул научный руководитель. — Собственно, на этом наше первое общее собрание предлагаю завершить. Информации к размышлению у вас более, чем достаточно.

— Подождите! — вмешался Максим. — Но у нас ещё вопросы есть! Что известно об этих мирах? Уже ведь были беспилотные миссии, да? Как их организовали, и...

— Не пытайтесь бежать впереди паровоза, коллега, — перебила его Светлана Юрьевна. — Остальную информацию вы будете получать дозированно, по мере подготовки. Иначе нам пришлось бы провести здесь всю ночь.

Верхняя палуба

Я всё-таки никак не мог до конца поверить в то, что рассказанное нам — правда. Тайные полёты к звёздам, квантовые компьютеры, другие миры, населённые людьми, палеоконтакт... возможно, что-то одно из перечисленного я бы смог принять на веру. Но чтобы всё и сразу? Может это всё-таки изошрённый психологический эксперимент, санкционированный на высшем уровне?

Особенно если вспомнить про то, что случилось до моего прибытия на объект. Агрессивный двойник, случай в поезде... Допустим, меня действительно изучают. Какой может быть цель эксперимента? Проверка психологической стабильности людей с ПТСР? Но почему именно я, всё-таки как-никак целый офицер спецслужбы! Простых парней с ПТСР вагон и маленькая тележка, в любом госпитале. Может, во мне есть что-то уникальное? Интеллект? Строить огромный подземный комплекс — лишь для того, чтобы тестировать мою психическую устойчивость? Нет, всё-таки сомнительно. Очень сомнительно...

Пока что единственное, что нам показали — это эксперимент со сборкой тессеракта. Впечатляет. Если, конечно, это не компьютерная картинка была. Показали бы больше доказательств, что ли? Больше деталей! Хотя Сергеич ведь пообещал, что расскажут и покажут...

Получается, нужно только ждать. Для нормального анализа категорически не хватает информации.

Я перевернулся на другой бок. Поворочался. Потом всё-таки встал и включил свет.

Именно в этот момент в дверь постучали. Я вздрогнул. Стук повторился. «Тут что, звонка нет?» — подумал я, накидывая халат.

На пороге стояла Диана, в спортивных штанах, кроссовках и обтягивающей майке.

— Привет, — сказала она. — Так и думала, что ты не спишь. Можно?

— Да... да, конечно, — растерянно пробормотал я, отступая внутрь каюты.

Диана вошла, огляделась.

— Тоже любишь тёплый свет? — спросила она.

— Так уютнее, — кивнул я в ответ.

— Согласна...

Она улыбнулась и подошла ко мне, глядя в глаза и явно наслаждаясь моей реакцией. Не то, чтобы я был против, но... что-то было не так. Неправильно. Я не мог объяснить, что именно.

Изобразив смущение, я почесал в затылке.

— Я вот что хотела предложить, — сказала Диана. — Сегодня снаружи хорошая погода. Может, ты хочешь прогуляться на верхнюю палубу?

Вот это было по-настоящему неожиданно.

— Э-э-э... придётся одеваться? — спросил я, подумав о холоде.

— Нет! — Диана улыбнулась. — Она крытая. Совсем наружу никто без санкции не выходит. Секретность!

— А. Вот как. Тогда конечно! — я улыбнулся и кивнул.

Мы вышли через оранжерею, полную запахов ночных цветов, земли и свежей зелени. Дошли до одного из больших лифтовых холлов. Диана уверенно выбрала кабину и быстро набрала комбинацию на панели управления, вынесенную на отдельную стойку. На ней не было цифр — лишь цветные точки, очень похожие на те, что были на дорожках в парке.

— Это на случай, если на базу проберутся враги? — пошутил я, имея ввиду цветовой код. — Чтобы они заблудились?

— Да, — серьёзным тоном ответила Диана. — Всё верно.

Я хмыкнул, но промолчал.

Приехала кабина. На вид несколько меньше той, на которой я спускался в медицинский отсек. Мы вошли внутрь.

— Такое впечатление, что ты провела здесь больше двух дней, — заметил я.

— Я здесь выросла, — улыбнувшись, ответила Диана. — И вернулась обратно два дня назад.

Вот это было неожиданно! Хотя почему нет? Комплекс большой, здесь наверняка живут семьями.

— Ого! — вырвалось у меня. — И... как оно?

— Да нормально! Только лета не хватало. И настоящего моря, а не бассейна. Родителей отпускали раз в три года, под строгим надзором в Сочи. И это были лучшие дни в моей жизни!

Я почувствовал, как пол кабины плавно надавил на стопы. Мы поехали наверх. Уши немного заложило, как в скоростном лифте в небоскрёбе.

— Родители рассказывали, что в девяностые тут было... сложно. Но как-то справились, — продолжала моя спутница.

— Деньги перестали платить? — спросил я.

— Нет, не совсем... — она чуть нахмурилась, видимо, решая про себя, стоит ли рассказывать дальше. — После смены власти учёный совет объекта принял решение не информировать о программе новое политическое руководство страны. Такая возможность была. Начали искать, где брать финансирование. И нашли. Красноярский край — земля богатая. Эпоха дикого капитализма, все дела. Так что не всё разрывывалось в то время. Кое-что шло на благое дело.

— Вот как... — дипломатично ответил я.

— Да. И так продолжалось до начала нулевых. Потом наша программа и финансирование было восстановлено в полном объёме, на государственном уровне. Я родилась в благополучное время, уже вовсю шли эксперименты по фиксации метрики четырёхмерного пространства...

Лифт бесшумно остановился и распахнул двери. Снаружи было совершенно тёмное помещение.

— Ну же, не бойся, — улыбнулась Диана, увидев моё замешательство.

— Я и не боюсь, — ответил я, пожав плечами. — Но почему темно-то?

— Сейчас поймёшь... пойдём!

Она взяла меня за руку, и мы вышли из кабины. Двери тут же закрылись, стало совсем темно.

— Пойдём, — сказала Диана и потянула меня за собой.

Стараясь запоминать направление шагов, я двинулся следом.

Через два поворота стало светлее. Наконец, мы вышли в большой зал. Потолок и стены были каменные, видимо, естественная скальная порода. На полу качественный паркет. Противоположной от входа стены не было, её место занимало огромное панорамное окно, выходящее на скалы и серебящийся в звёздном свете снег.

Здесь было очень красиво. Особенно остро ощущался уют тёплого помещения на контрасте с brutальным холодом, в котором, казалось, не было место ничему живому.

— Ну как тебе? — спросила Диана.

— Здорово! — искренне ответил я.

— Здесь нет искусственного освещения. И вообще никаких электроприборов. Запрещено по соображениям конспирации и безопасности. Окно снаружи прикрывает пассивный голографический экран, имитирующий скалу. Ни один спутник или даже дрон его не засечёт. Не говоря о случайных туристах в долине. Мы с другими ребятами из школы любили забираться сюда и болтать о всяком... никакого родительского контроля!

Я посмотрел в её большие глаза, на дне которых отражались искорки звёзд.

«Значит, нас нельзя подслушать. Что же такого ты мне хочешь сказать?» — гадал я, но решил не форсировать события прямыми вопросами. Пускай делает так, как ей комфортно. Иначе можно спугнуть.

— Почему ты занялась плаванием? — спросил я, чтобы заполнить затянувшуюся паузу. Нет лучшего способа завоевать доверие человека, чем показать свой интерес к его жизни.

— О, это долгая история! — смутилась Диана. — Но в целом, наверно, из-за юношеского протеста. Хотелось доказать всему миру, что моя будущая жизнь совсем не predetermined, как считали родители. Они, конечно же, хотели, чтобы я стала физиком.

— Что ж, так поступают многие, — кивнул я, мысленно зафиксировав, что она говорит о родителях в прошедшем времени. — Но реально получается у единиц. Ты действительно такая способная или просто везучая?

Моя спутница рассмеялась.

— Наверно, и то и другое понемногу.

— Родители, наверно, гордятся тобой, — сказал я.

— Гордились бы, — ответила Диана. — Они погибли несколько лет назад.

Она подошла к окну. Протянула руку, будто намереваясь дотронуться до стекла, но оставила её в паре сантиметров от препятствия.

— Мне очень жаль... — сказал я.

— Тогда не смогли просчитать все последствия попыток сформировать четырёхмерную гетероструктуру внутри гравитационного колодца Земли, — продолжала она. — Первые эксперименты проводились ещё без Васи. Просто на основе моделей, сгенерированных примитивной версией квантового компьютера... в то время популярной была идея, что мы сможем пробить дорогу к звёздам прямо отсюда, из этих скал и снегов. Однако реальность оказалась сложнее. Теперь мы знаем, что такие опыты можно проводить только в точке Лагранжа.

Я подошёл к ней. Встал рядом и взял за руку почувствовав, как крепко она сжала мою ладонь. Меня распирало любопытство; очень хотелось спросить, кто такой этот Вася? Но я сдерживался. Не время.

— Я знаю, что всё было не зря, — продолжала Диана. — Поэтому вернулась. Добилась назначения в первый отряд, честно выдержав отбор.

— Это достойный поступок.

— Только я всё равно скучаю... — вздохнула она. — Слушай, да что мы всё обо мне да обо мне! Как твои родители отнеслись к выбору профессии? Так понимаю, тут протест покруче был, да?

Она улыбнулась.

— Мама умерла через месяц после выпускного из Академии, — ответил я. — Отец последовал за ней ещё через три месяца.

— Ковид? — спросила Диана. — Это ужасно!

— Нет, это было за пару лет до пандемии, — ответил я. — Они были в возрасте. У обоих инфаркт. Ушли во сне, не просыпаясь. Так бывает... знаешь, если бы они были живы — я бы, наверно, не решился пойти в спецназ. Стал бы просто хорошим оперативником.

Помолчали.

Диана развернулась ко мне и заглянула в глаза. Я уже чувствовал, что она всё-таки решилась сказать то, ради чего привела меня сюда, хоть и колебалась до последнего. Главное ничего не испортить, никаких лишних движений, взглядов, жестов...

— Ты мне снился, — сказала Диана.

Это прозвучало вовсе не романтично. Наоборот: напряжённо и даже немного испуганно. Такой поворот застал меня врасплох. Я застыл в недоумении, хлопая глазами.

— Во сне ты дрался сам с собой, — продолжала она. — Только тот, другой ты, был будто измазан в чём-то чёрном. А ещё я знала, что от исхода вашего поединка зависит что-то очень важное, но никак не могла понять, что именно.

Она вздохнула, как мне показалось, с облегчением.

— Представляешь, что я почувствовала, когда увидела тебя? Ты в точности такой же, как во сне. И ещё... знаешь, со мной после того, как я узнала о назначении, происходили некоторые странные вещи. Человек, которого я давно знаю, коллега по кафедре, вдруг заявил, что желает мне смерти...

Я продолжал молчать, выигрывая время на размышления. Но, как назло, ничего путного в голову не приходило. Что ж, придётся положиться на интуицию. Как обычно в подобных случаях.

— Скажи, а с тобой ничего такого не происходило? — спросила Диана, по-прежнему глядя мне в глаза.

Вот он, момент истины. Проверка или всё по-настоящему? Я колебался секунду. Потом ответил:

— Происходило.

В её глазах отразилось облегчение.

— Ты ведь ни с кем не делился?

— Нет, — ответил я. — Не делился.

— Знаешь, и не надо пока что, — продолжала Диана. — Надо сначала самим во всём разобраться.

— Ты думаешь это как-то связано с нашим заданием? — спросил я. — С тем, что предстоит сделать?

— Почти наверняка, — ответила она.

— Может, тогда всё-таки стоит рассказать остальным? Как считаешь? — спросил я.

— Нет, — она резко помотала головой. — Не стоит, точно! Ты не представляешь, чего стоило Сергеичу выбить разрешение и финансирование. Понимаешь, если американцы узнают о том, что мы планируем — ядерная война гарантирована. Они не допустят этого даже ценой гибели цивилизации! Ставки слишком высоки. Если сейчас будет какая-то заминка, весь проект могут откатить обратно, до лучших времён.

Я почесал подбородок. Нет, надо всё-таки от бороды избавиться! Особенно если придётся носить скафандр.

— Мы рискуем, — заметил я.

— Ещё как! — согласилась Диана. — Но это наш шанс попасть в историю!

— История мне безразлична, — заметил я. — Среди моих боевых товарищей нет известных людей. Но это не значит, что они от этого меньше герои, чем космонавты.

— Хорошо, — ответила она. — Но скажи, ты ведь хочешь полететь? Да?

— Хочу, — согласился я.

— Но ради чего?

— Мне любопытно. И я хочу пережить то, чего до меня никто ещё не переживал.

Диана улыбнулась.

— Скажи, у тебя есть какая-то гипотеза, что это за странности, откуда они взялись и грозят ли нам чем-нибудь? — спросил я.

— Есть, — кивнула она. — Я считаю, что это какие-то информационные и, возможно, темпоральные эффекты. Не думаю, что они опасны. Скорее всего, это просто что-то вроде реакции континуума на вмешательство высшего порядка.

— Хорошо, — кивнул я. — Допустим. Тогда ещё один вопрос. Кто такой Вася?

Диана удивлённо подняла бровь.

— Откуда ты зна... блин. Я же сама сказала, — она потёрла лоб, нахмурившись. — Извини, перенервничала.

— Так всё-таки?

— Нам всем предстоит познакомиться с Васей, ближе, чем ты представляешь, — ответила она. — Это наш искусственный интеллект. Большая часть его личности построена на обычной элементной базе, простые нейросети. Но часть его сознания управляет квантовым компьютером. Другого способа сделать систему стабильной просто не было, вот Сергеич и принял такое решение два года назад.

— Полноценный ИИ? — спросил я. — Или нейросетевая болванка-помощник?

— Полноценный, не сомневайся. Мы ушли существенно дальше коммерческих проектов, — ответила Диана.

— Имя Сергеич выбрал?

— Нет, он сам. В смысле Вася, — ответила Диана. Потом добавила, заметив мою скептическую ухмылку: — Да он нормальный парень. Сам поймёшь.

— Ну ладно, — я улыбнулся и пожал плечами. — Слушай, как считаешь, с кем-то ещё из нашего отряда происходит что-то подобное?

Диана сжала губы, почесала нос, потом ответила:

— Не знаю. Может быть. Я решила с тобой сначала поговорить, понятно почему.

— Думаю, нам следует осторожно изучить этот вопрос, — сказал я.

— Согласна, — кивнула Диана. — Будем наблюдать.

— Да, и делиться результатами.

Она протянула мне ладонь, и я пожал её, впервые в жизни чувствуя себя настоящим заговорщиком.

— Ну что, тогда по номерам? — спросила Диана. — Надо поспать. Завтра по плану первые испытания на центрифуге. От недосыпа результаты могут просесть.

— Перегрузки? — спросил я.

— Ага. Этому особое внимание уделять будут, — продолжала Диана. — Ты слышал про гравитацию на планетах?

— Слушай, может, ты и про эти миры знаешь? Что там хоть и как в целом? — спросил я.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — она развела руками. — Данные от микрозондов поступили всего пару месяцев назад. Я в это время боролась за выдвижение, никаких контактов не было. Так что будем узнавать вместе, что к чему.

Диана подмигнула мне.

Я посмотрел в окно. Мне показалось, что над ближайшим скальным хребтом небо вроде как стало светлее, из-за чего улучшилась видимость.

— Там никак рассвет намечается? — поинтересовался я, указывая в том направлении.

— Скорее, закат, — улыбнулась она. — Но вообще солнце действительно скоро начнёт подниматься. Зима заканчивается. Через неделю, думаю, краешек диска начнёт показываться над горизонтом. В детстве мы всегда очень ждали этого момента!

— Летом по ночам, наверно, тут интересно, — заметил я.

— Интересно и красиво, — подтвердила Диана, кивнув. — Ну всё, налюбujemyся ещё — давай по каютам!

И мы направились к лифтам. Чтобы не стукаться о переборки и стены, мне снова пришлось взять её за руку.

Возле выхода из оранжереи мы встретили Максима. Он шёл по дорожке, сосредоточенно разглядывая цветовую маркировку и что-то бормоча себе под нос. Заметив нас, он сначала удивился. А потом посмотрел на меня с выражением такой искренней детской обиды на лице, что мне даже стало немного неловко.

— Привет! — поздоровалась с ним Диана. — Тоже не спится?

— Вроде того... — насупившись, ответил лётчик.

— Приходи до завтрака в бассейн, поплаваем вместе, — подмигнула она ему.

У Максима аж плечи расправились. Он снова посмотрел на меня. «Это не то, что я подумал, да?» — читалось в его взгляде. В ответ я приветливо улыбнулся. И мы разошлись.

— Интересно, зачем он там бродил... — едва слышно прошептала Диана, когда мы приблизились к в двери её каюты.

— Думаешь, он... — начал было я, но она прислонила указательный палец к моим губам.

— Разберёмся, — сказала она. — Правда?

— Конечно, — охотно подтвердил я, когда она убрала палец. — Доброй ночи!

Центрифуга

Прогулка на верхнюю палубу окончательно развеяла сон. Я знал, что лучше посидеть час-полтора, занимаясь своими делами, чем пытаться во что бы то ни стало уснуть. Организм живёт ритмами, и лучше к ним прислушиваться, хотя бы иногда.

Я сел перед телевизором, в хранилище видео отсортировал живые концерты, полистал список. Моё внимание привлекла запись шоу Жана Мишела Жарра в Москве, в девяносто седьмом. Редкая вещь, в нормальном качестве найти сложно. Здесь же запись была просто отличной, в максимальном разрешении. Наверняка после нейросетевого улучшения — ну и что? Главное, что красиво. И звук отличный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.